

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ОБРАЗЕЦ
СКАНДИНАВСКОГО НУАРА.

BOOKLIST

ДНЕВНИК МОЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Триллер по-скандинавски

Камилла Греббе

Дневник моего исчезновения

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Гребе К.

Дневник моего исчезновения / К. Гребе — «Издательство АСТ»,
2017 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-109252-8

В холодном лесу на окраине глухой шведской деревушки Урмберг обнаруживают пожилую женщину. Ее одежда разодрана, волосы растрепаны, лицо и босые ноги изранены. Но самое страшное — она ничего не помнит. Эта несчастная женщина — полицейский психолог Ханне Лагерлинд-Шён. Всего несколькими неделями ранее она прибыла со своим коллегой Петером из Стокгольма, чтобы расследовать старое нераскрытое дело: восемь лет назад в древнем захоронении были обнаружены останки пятилетней девочки. Ханне страдала ранней деменцией, но скрывала свою болезнь и вела подробный дневник. Однако теперь ее коллега исчез, дневник утерян, а сама Ханне абсолютно ничего не помнит о событиях последних дней. Ни полиция, ни Ханне не догадываются, что на самом деле дневник не утерян бесследно. Вот только теперь им владеет человек, который не может никому рассказать о своей находке...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-109252-8

© Гребе К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Урмберг	6
Малин	6
Урмберг	9
Джейк	9
Малин	14
Джейк	19
Малин	26
Джейк	35
Малин	39
Джейк	44
Малин	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Камилла Гребе

Дневник моего исчезновения

Роман

Посвящается Осе и Матсу, доказавшим мне, что даже из самой сложной ситуации есть выход

Кто сеет ветер, пожнет бурю
Боснийская пословица

Camilla Grebe
Husdjuret

* * *

Печатается с разрешения Ahlander Agency
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Camilla Grebe, 2017
© Хохлова Е., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Урмберг Октябрь 2009

Малин

Я крепко вцепилась в руку Кенни, идущего рядом со мной через темный лес. Не думайте, что я верю в привидения, это все ерунда. Только придурки верят в привидения. Или идиотки, вроде мамы Кенни, те, кто часами смотрят нелепые программы по телеку, в которых так называемые медиумы рыскают по старым домам в поисках духов, которых там нет.

Но все же.

Дело в том, что почти все, кого я знаю, хоть раз слышали плач ребенка у захоронения – протяжный горестный стон. Местные говорят, что это привидение, и хоть я и не верю в духов и прочую ерунду, но на всякий случай избегаю этой дороги после наступления темноты.

Я подняла глаза на верхушки елей. Высоченные деревья заслоняли небо и круглую молочно-белую луну.

Кенни тянул меня за руку. В пластиковом пакете позвякивали бутылки. Я чувствовала запах его сигареты, смешанный с запахами прелой листвы и мокрой земли. В паре метров позади пробирался через высокую траву Андерс, насвистывая популярную песенку.

– Черт бы тебя побрал, Малин! – дернул мою руку Кенни.

– Что?

– Ты тащишься, как черепаха. Даже моя мама ходит быстрее. Ты что, уже нажралась?

Кенни несправедлив. Его мама весила не меньше двухсот килограммов и, насколько мне известно, перемещалась исключительно от дивана к туалету, да и эта дорога давалась ей с трудом.

– Заткнись, – ответила я, но шутливым тоном, чтобы он, не дай бог, не решил, что я его не уважаю.

Мы встречались всего две недели. Помимо обязательного тисканья в его кровати, вонявшей собакой, мы примеряли на себя разные роли. Он – роль доминантного, остроумного (часто за мой счет) и порой меланхоличного эгоиста. Я – послушной, жертвенной, щедрой, восторженной и готовой развлекать его, когда он в депрессии, девушки.

Моя влюбленность в Кенни была такой пылкой и страстной, что физически меня изнурила. Но, несмотря на усталость, я хотела все время проводить рядом с ним. Словно боялась, что он окажется сном, видением, плодом моего юношеского воображения и исчезнет, стоит мне проснуться.

Казалось, что обступавшие нас ели стояли тут с сотворения мира. Землю вокруг стволов укутывал мягкий мох, с низких ветвей у самой земли свисали серые пряди старой хвои. Где-то в отдалении послышался хруст сучка.

– Что это? – взвизгнула я.

– Привидение! – театральным шепотом произнес Андерс у меня за спиной. – Оно пришло за тобой. – Он изобразил завывания.

– Черт, не пугай ее! – зашипел на него Кенни, у которого внезапно проснулся инстинкт защитника.

Я захихикала, споткнулась о корень и чуть не упала, но теплая рука Кенни пришла мне на помощь. Бутылки в пакете звякнули, когда он попытался удержать меня от падения.

От этого жеста у меня внутри разлилось тепло.

Лес становился реже, ели расступились, открывая поляну с древним захоронением. Грота камней в лунном свете напоминала гигантского кита, выброшенного на берег и поросшего мхом и папоротниками, колышущимися на ветру.

Вдали виднелась Змеиная гора.

– Уф, – выдохнула я. – Нельзя было, что ли, выпить у кого-нибудь дома? Зачем тащиться в лес в такую холодрыгу?

– Я тебя согрею, – ухмыльнулся Кенни.

Он притянул меня к себе, и в его дыхании я почувствовала запах пива и табака. Мне хотелось отвернуться, но я заставила себя стоять смирно и смотреть ему в глаза, как того требует мой статус девушки Кенни.

Продолжая насвистывать, Андерс присел на один из круглых камней и достал пиво. Потом зажег сигарету.

– Я думал, ты хотела услышать плач адского ребенка.

– Я не верю в привидения, – сказала я, садясь рядом, – только придурки в них верят.

– Половина Урмберга верят в него, – возразил Андерс и открыл бутылку.

– Вот и я о том же.

Мой комментарий его рассмешил. Кенни нас не слушал. Он вообще редко слушал, что я говорю, а если и слушал, то краем уха. Он сел рядом и схватил меня рукой за задницу. Засунул ледяной палец за пояс штанов. Потом сунул мне в рот сигарету. Я послушно сделала затяжку, запрокинула голову и, глядя на полную луну, выдохнула облачко дыма.

В лесной тишине был отчетливо слышен каждый звук: шорох ветра в папоротниках, глухой стук невидимых пальцев о землю, злое уханье какой-то птицы.

Кенни протянул мне пиво.

Я сделала глоток горького холодного напитка и всмотрелась в темноту между деревьями. Если кто-то там прятался, мы не смогли бы его увидеть. Кто-нибудь мог без проблем подкрасться и расстрелять нас, как стреляют в оленей у кормушки. На поляне в свете луны нас было видно лучше, чем рыбок в аквариуме.

Но только кому в Урмберге понадобилось бы нас убивать?

Здесь никогда ничего не происходит. Вот почему люди выдумывают истории с привидениями – чтобы не помереть от скуки.

Рыгнув, Кенни открыл второе пиво. Повернулся и поцеловал меня в щеку. Язык у него был холодный. Я ощутила вкус пива у него во рту.

– Хватит лизаться! – хмыкнул Андерс и тоже рыгнул. Громко, не стесняясь. Отрыжка прозвучала словно вопрос, на который он ждал ответа.

Его комментарий только раззадорил Кенни, который теперь подсунул руку мне под куртку, нашел грудь и крепко сжал.

Я прижалась к нему и провела языком по его острым верхним зубам.

Андерс резко вскочил. Я оторвалась от Кенни.

– В чем дело?

– Я что-то слышал. Похоже на плач или стон...

Андерс изобразил этот звук и тут же заржал, сплевывая пиво.

– Ты совсем больной, – сказала я. – Мне нужно в туалет. А вы ищите пока привидения.

Я поднялась, обогнула захоронение и прошла еще пару метров. Оглянулась, чтобы проверить, что парням меня не видно, расстегнула джинсы и опустилась на корточки.

Что-то, мох или трава, защекотало мне бедро. Холодный ветер пробирался под куртку. Я поежилась.

Замечательная идея поехать сюда пить пиво! Лучше некуда. Но почему я не сказала «нет», когда Кенни это предложил? Почему я вообще никогда не говорю ему «нет»?

Вокруг было темно, как в гробу. Я достала из кармана зажигалку, чиркнула пальцем по железному колесу. Огонек осветил клочок земли передо мной – осеннюю листву, мягкий мох, серые камни. И там, посреди камней, – что-то белое и гладкое, похожее на шляпку гигантского шампиньона.

Кенни с Андерсом по-прежнему болтали о привидениях. Языки их заплетались под влиянием выпитого. Они говорили быстро, путая слова, и то и дело разражались смехом.

Может, из любопытства, а может, из нежелания возвращаться назад, я решила поближе рассмотреть этот шампиньон. Разве в это время года в лесу бывают шампиньоны? У нас в семье собирали только лисички.

Я поднесла зажигалку к странному предмету. Убрала рукой листву и выдернула с корнями маленький папоротник.

Да, там действительно что-то было. Что-то похожее на...

По-прежнему на корточках, со стянутыми джинсами, я потрогала рукой гладкий предмет. На ощупь он был твердый, как камень или фарфор. Может, старая миска? Точно не гриб.

Потянувшись, я убрала камень, лежавший поверх предмета. Камень был небольшой, но все равно упал в мох с глухим стуком.

Там лежало что-то похожее на миску – треснувшую с одной стороны, поросшую длинным рыжим мхом.

Я протянула руку и коснулась длинных тонких нитей, потерла между указательным и большим пальцем, и наконец мой мозг сложил два и два, и я осознала, что передо мной.

Зажигалка выпала у меня из рук. Я выпрямилась, сделала несколько шагов в темноту и закричала. Крик рвался откуда-то изнутри меня и никак не заканчивался. Словно страх выдавливал весь кислород из организма через легкие.

Когда Кенни и Андерс прибежали меня спасать, я все еще стояла со спущенными джинсами и орала.

Это была не миска. И не мох.

Это был череп с длинными темными волосами.

Урмберг Восемь лет спустя – 2017

Джейк

Меня зовут Джейк. Произносится по-английски: Джейк, потому что мама с папой называли меня в честь Джейка Джилленхола – лучшего в мире актера. Но большинство одноклассников нарочно произносят мое имя на шведский манер – «Йак», чтобы рифмовалось с «дурак». Я бы хотел, чтобы меня звали по-другому, но это сложно изменить. Я тот, кто я есть. И меня зовут, как меня зовут. Маме очень хотелось, чтобы меня звали именно Джейк, а папа всегда шел у нее на поводу, наверно, потому что просто обожал ее.

Даже после маминой смерти в доме все равно ощущается ее присутствие. Иногда папа забывает и накрывает на стол и на маму тоже. А когда я задаю вопрос, он долго тянет с ответом, словно обдумывая, что бы на это сказала мама. После долгой паузы я получаю ответ: «Да, можешь одолжить сотку» или «Хорошо, езжай к Саге смотреть фильм, но будь дома к семи».

Папа почти никогда не говорит «нет», хотя стал строже после того, как старую текстильную фабрику снова превратили в приют для беженцев.

Мне хочется верить, что это все от доброты, но Мелинда, моя старшая сестра, говорит, что ему просто неохота выслушивать наши протесты. Эти слова она сопровождает многозначительным взглядом в сторону пивных банок на полу кухни, двусмысленной улыбкой и безупречными колечками дыма.

Мне кажется, Мелинда несправедлива. Ей даже позволено курить дома, хотя мама никогда бы такого не допустила, но вместо того чтобы радоваться, она говорит все эти гадости. Это большая неблагодарность с ее стороны. Мелинде не хватает доброты.

Когда бабушка была жива, она любила приговаривать, что, может, папа и не семи пядей во лбу, зато мы живем в лучшем доме Урмберга, а это уже что-то. Не думаю, что она знала, что такое пядь, но я знаю. Можно быть и недалеким человеком, самое главное – какой у тебя дом.

Лучший дом в Урмберге находится в пятистах метрах от шоссе, прямо посреди ельника, на берегу реки, которая течет аж до Вингокера. Этот дом лучший по двум причинам: во-первых, папа по профессии плотник, во-вторых, у него редко бывают заказы. Поэтому нам повезло, что он все время посвящает дому.

Вокруг дома папа построил огромную террасу. Такую большую, что хоть в баскетбол играй или разъезжай на велосипеде. А если бы не было перил, можно было бы с одного конца нырять прямо в реку. Впрочем, мало у кого из взрослых возникает такое желание: вода просто ледяная, даже в разгар лета, а дно покрыто глиной, водорослями и мерзкими скользкими червяками. Иногда летом мы с Мелиндой надуваем старые резиновые матрасы и плывем по течению в сторону лесопилки. Кроны деревьев образуют над нами зеленую крышу, напоминая мне кружевные скатерти, связанные бабушкой. Слышно только пение птиц, крикание надувных матрасов и шум маленького водопада у плотины. Доплыв до плотины, мы поднимаемся и вброд, с матрасами в руках, спускаемся вниз к озеру, поросшему кувшинками.

В молодости дедушка, которого я никогда не видел, работал здесь на лесопилке, но ее закрыли еще до того, как родился мой папа. Заброшенное здание подожгли скинхеды из Катринехольма, когда папе было четырнадцать лет, – как сейчас мне, – но обожженные руины сохранились до нынешнего дня. Издалека они похожи на острые зубы, торчащие между кустами.

Папа говорит, что раньше у всех в Урмберге была работа: на лесопилке, в мастерской Бругренсов, на текстильной фабрике.

Теперь работа осталась только у фермеров. Все фабрики закрылись. Производство ушло в Китай. Мастерская Бругренсов, точнее, то, что от нее осталось, – ржавые бараки, – стоит заброшенная посреди поля. А кирпичное замкоподобное здание текстильной фабрики – теперь приют для беженцев.

Нам с Мелиндой ходить туда строго-настрого запрещено, хотя папа редко что-то запрещает. И ему даже не надо думать о том, что сказала бы мама. Я знаю, потому что стоит нам спросить, как у него уже готов ответ. Папа говорит, это «ради нашей же безопасности». Не знаю, чего он опасается, но Мелинда всегда закатывает глаза, отчего папа злится и начинает говорить о халифате, бурках и изнасилованиях.

Я знаю, что такое бурка и изнасилование, но не халифат. Но я записал это слово на бумажку, чтобы потом погуглить. Я так всегда делаю с незнакомыми словами. Мне нравится узнавать новые слова, особенно трудные.

Мне нравится их коллекционировать.

Есть еще одна тайна, о которой я никому не могу рассказать. В Урмберге много за что можно получить по шее. Например, за то, что слушаешь не ту музыку или читаешь книжки. И некоторых – таких, как я, например, – лупят чаще других.

Я выхожу на террасу, облакачиваюсь о перила и смотрю на реку. Тучи рассеиваются, открывая лоскутья синего неба и ярко-оранжевую полосу над горизонтом. Иней на досках террасы сверкает в лучах заходящего солнца. Внизу медленно течет темная вода.

Река никогда не замерзает, наверно, потому что течение все-таки довольно сильное. Купаться тут можно круглый год, но, естественно, зимой это никому в голову не приходит.

Пол террасы усыпан ветками, сорванными ветром во время ночной бури. Надо бы собрать их и отнести в компостную яму, но я стою, словно загипнотизированный солнцем, которое, как оранжевый апельсин, свисает из-под туч.

– Джейк, – кричит папа из гостиной. – Ты себе зад отморозишь!

Я выпускаю перила и смотрю на влажные отпечатки моих рук на заиндевавшем дереве. Потом поворачиваюсь и иду в дом.

– Закрой дверь, – кричит папа мне из массажного кресла перед большим плоским телевизором.

Папа убирает пультом звук и смотрит на меня. Между густыми бровями выросла складка. Он проводит веснушчатой рукой по голой макушке. Потом на автомате нажимает кнопки на панели управления креслом, забыв, что оно давно не работает.

– Что ты делал на улице?

– Смотрел на реку.

– Смотрел на реку?

Папа хмурится еще сильнее, словно силясь понять смысл моих слов, но решает не напрягаться.

– Я скоро иду к Улле, – говорит он и оттягивает джинсы, давящие на живот. – Мелинда приготовила ужин. Он в холодильнике. Ешьте, не ждите меня.

– Хорошо.

– Она обещала быть к девяти.

Киваю, иду в кухню, беру колу и поднимаюсь в свою комнату, весь в предвкушении.

У меня будет целых два часа.

Когда папа уходит, на улице уже темно. Хлопок двери сотрясает стекла в окнах. Вскоре раздается шум мотора отъезжающей машины.

Я жду пару минут, чтобы убедиться, что папа не вернется за чем-нибудь, и иду в спальню родителей.

Двухспальная кровать, не убранная с папиной стороны. На маминой стороне постели одеяло и взбитые подушки лежат ровно. На тумбочке книга, которую она читала перед смертью. Там рассказывается про девушку, которая встречается с богатым чуваком по имени Грей. Он садист и не способен на чувства, но девушка его обожает, потому что девчонкам нравится страдать. Так, по крайней мере, говорит Винсент. Мне в это верится с трудом. Кому нравится, когда его бьют? Уж точно не мне. Скорее, эта девица любит деньги Грея, потому что девушки любят деньги и на все готовы ради них.

Например, отсосать у мерзкого садиста и дать ему себя постегать.

Я подхожу к мамину шкафу и отодвигаю в сторону зеркальную дверь. Дверь кряхтит и сопротивляется, приходится немного поднажать. Провожу ладонью по платьям на вешалках – гладкому шелку, блесткам, мягкому бархату, шершавой джинсе и мятому хлопку.

Зажмуриваю глаза и сглатываю.

Они прекрасны. Если бы я был богач, как тот Грей, я бы завел себе гардеробную комнату. У меня были бы сумочки – повседневные и на выход – для каждого времени года. Они бы висели на крючках. А для обуви были бы специальные полки с подсветкой.

Я понимаю, что это несбыточная мечта. Не только потому, что это очень дорого, но и потому, что я парень. Надо быть совсем психом, чтобы устроить себе гардеробную, полную женской одежды. Сделай я это, все бы точно знали, что я ненормальный. Больше этого Грея. Потому что женщин можно бить и связывать, но нельзя одеваться, как женщина. По крайней мере, здесь, в Урмберге.

Я достаю золотистое платье на тонких бретельках с пайетками и с тонкой скользкой подкладкой. Мама надевала его на Новый год и когда ездила в паромный круиз в Финляндию со своими подружками.

Я держу платье перед собой, отступаю на пару шагов назад и смотрюсь в зеркало. Я тощий, как палка, коричневые волосы обрамляют бледное лицо. Осторожно опускаю платье на постель и иду к шкафу. Выдвигаю верхний ящик и выбираю черный кружевной лифчик. Потом стягиваю джинсы, толстовку, надеваю лифчик. Смотрится он на моей плоской молочно-белой груди с крохотными сосками кошмарно, поэтому я засовываю в чашечки скомканные носки. Теперь можно надевать платье. И снова, как и каждый раз, примеряя платье, поражаюсь тому, какое же оно тяжелое и холодное.

Разглядываю свое отражение в зеркале и чувствую, что мне не по себе. Я бы предпочел не надевать мамину одежду, но своей женской одежды у меня нет, а Мелинда носит только джинсы и топы, у нее ничего такого красивого нет.

Я задумываюсь, какие туфли лучшего всего подойдут к платью. Может, черные с розовыми камушками? Или сандалии с красно-синими ремешками? Выбираю черные, я почти всегда отдаю предпочтение черным, поскольку обожаю эти блестящие розовые камушки. Они напоминают мне дорогие украшения на девушках из клипов на «Ютьюб», которые смотрит Мелинда.

Снова разглядываю свое отражение в зеркале. Были бы волосы длиннее, я бы выглядел как девушка. Может, отрастить? Хотя бы чтобы можно было делать хвостик? Заманчивая идея.

Иду в комнату Мелинды, оставляя за собой следы на ковре. Папа застелил все комнаты ковролином, кроме кухни, потому что по нему мягче ступать. Мне нравится это ощущение мягкого ворса под высокими каблуками, все равно что ходить по траве.

В косметичке Мелинды полный бардак. Я бросаю взгляд на часы. Надо поторопиться. Обвожу глаза черным карандашом, как певица Адель, и провожу темно-красной помадой по губам. Внутри разливается тепло.

Я красивый.

Я и Джейк – и не Джейк, я красивее, изящнее, лучше, чем обычный Джейк.

В прихожей накидываю одну из кофт Мелинды. На улице около нуля, слишком холодно для платья. Черная шерстяная кофта кусает кожу, пуговицы давно оторвались, так что она не застегивается. Я запираю дверь, кладу ключ под треснутый цветочный горшок и иду к дороге. Гравий скрипит под подошвами. Я изо всех сил стараюсь сохранить равновесие на высоких каблуках.

На улице темно, мрачно и пахнет сырой землей.

Начинается мокрый дождь со снегом. Пайетки позвякивают при ходьбе. Ели тихо стоят вдоль дороги, и я гадаю, наблюдают ли они за мной, и если да, то что думают о моем наряде. Вряд ли они имеют что-то против моей одежды. Они всего лишь деревья.

Сворачиваю на тропинку. В ста метрах от меня проселочная дорога. Дальше идти нельзя: кто-нибудь может меня увидеть. А это будет ужасно. Самое страшное, что может случиться. Нет, лучше умереть.

Мне нравится гулять одному в лесу. Особенно в маминой одежде. Я обычно фантазирую, что я в Катринехольме, иду в бар или ресторан.

Это все только фантазии.

Дойдя до дороги, я останавливаюсь. Закрываю глаза и наслаждаюсь моментом, потому что скоро надо идти назад. В лучший дом в Урмберге с плоским телевизором, массажным креслом и постерами у меня в комнате. Обратно к холодильнику с полуфабрикатами и машиной для льда, которая работает, только если хорошенько стукнуть по ней кулаком.

Обратно к Джейку без лифчика, платья, туфель на высоких каблуках.

Холодные капли падают мне на голову и стекают вниз за шиворот, холодят спину. Я поживаюсь, хотя мне не привыкать. По сравнению с тем, что было вчера, погода сегодня просто прекрасная. Вчера ветер был такой, что я боялся, как бы крышу не сорвало.

В лесу раздается какой-то звук. Может, это косуля, тут много всякой дичи водится. Однажды папа принес домой целую косулю, подстреленную Улле, и она висела несколько дней в гараже кверху ногами, прежде чем он ее освежевал и разделал.

Снова звук.

Треск сучьев, слабый стон, словно раненого животного. Я замираю и вглядываюсь в темноту.

Между кустами какая-то тень движется мне навстречу.

Волк? Это первое, что приходит в голову, хотя я знаю, что волки тут не водятся. Только косули, лисы, лоси и зайцы. Самое опасное животное в Урмберге – человек. Папа тоже так говорит.

Я поворачиваюсь, чтобы бежать обратно в дом, но застреваю каблуком в земле и падаю спиной вниз. Острый камень вонзается в ладонь, копчик пронзает резкая боль.

Еще через секунду из леса выползает женщина.

Старая женщина. Седые пряди свисают на лицо, драные джинсы и тонкая блузка все в мокрой грязи. Она без куртки, руки все в крови.

– Помоги мне, – едва слышно молит она.

Я отползаю подальше от нее, смертельно напуганный, потому что эта женщина похожа на ведьму или сумасшедшую убийцу из фильмов ужасов, которые мы часто смотрим с Сагой.

Дождь усилился, я чувствую, что лежу в луже. Поднимаюсь на корточки, снимаю туфли и беру их в руки.

– Помоги мне, – бормочет женщина, тоже поднимаясь.

Я понимаю, что она не может быть ведьмой, наверно, просто сумасшедшая. Но может быть буйной. Пару лет назад полиция задержала в Урмберге одного психа. Он сбежал из психбольницы в Катринехольме и почти месяц прятался в пустующих дачных домиках.

– Кто ты? – спрашиваю я и пячусь назад, чувствуя под ногами мягкий мох.

Женщина замирает. Вид у нее удивленный, словно она не знает, как ответить на вопрос. Потом она смотрит на свои руки, и я замечаю, что она что-то держит – книгу или тетрадь.

– Меня зовут Ханне, – отвечает она после некоторой заминки.

Голос теперь звучит громче, и, встретившись со мной глазами, она пытается улыбнуться и продолжает:

– Тебе не нужно меня бояться. Я не причиню тебе вреда.

Дождь хлещет меня по щекам, я встречаюсь с ней взглядом.

Теперь она выглядит по-другому – не как ведьма, а просто как старая тетенька. Судя по всему, просто упала в лесу и порвала одежду. Может, заблудилась и не может найти свой дом. Совсем не опасная.

– Что с вами случилось? – спрашиваю я.

Старушка по имени Ханне опускает взгляд на свою грязную одежду, потом снова смотрит на меня; в ее глазах отчаяние и страх.

– Я не помню, – бормочет она.

Вдруг раздается шум приближающегося автомобиля.

Заслышав машину, тетенька делает шаг на обочину и машет руками. Я поднимаюсь вслед за ней и вглядываюсь вперед. В свете фар видно, что Ханне босая и ноги у нее тоже все в крови.

Но я вижу еще кое-что. Вижу, как блестят пайетки на моем платье. В свете фар меня видно как на ладони.

В этой машине может сидеть кто угодно. Сосед, старший брат одноклассника, сумасшедший старик, живущий за церковью. Риск, что это кто-то из знакомых, слишком велик.

От страха у меня все сжимается в груди, а сердце пропускает удар.

Есть только одна вещь, которой я боюсь больше ведьм, психов и маньяков: что мой секрет раскроют. Что кто-то увидит меня в платье с пайетками и с носками в мамином лифчике. И если об этом узнают в Урмберге, мне конец. Лучше застрелиться.

Я пачусь назад и приседаю за кустами.

Водитель меня видел, но, может, не узнал. Идет ливень, и в женском платье я на себя не похож.

Машина останавливается, и стекло ползет вниз с характерным шипением. В ночь врывается музыка. Я слышу, как старая тетенька начинает говорить с женщиной за рулем. Вроде я ее не знаю. Машина тоже незнакомая. Через пару минут пожилая женщина открывает дверь и садится. Машина отъезжает.

Я поднимаюсь и иду к дороге, которая темной блестящей змеей ползет через лес. Слышно только дождь.

Старая женщина уехала, но на земле что-то осталось. Коричневая книга.

Малин

Никогда бы не подумала, что буду работать над этим делом.

Холодный ветер гонит пустой пластиковый пакет и листья прочь от низкого коричневого здания больницы. Одиноким мужчина выходит из приемной, поворачивается спиной к ветру и зажигает сигарету.

Манфред Ульссон, мой временный напарник, позвонил час назад.

Я вспоминаю удивленное лицо мамы, когда я ей сообщила. Её взгляд, мечущийся между мной и часами, осознание, что случилось что-то серьезное и я должна ехать, несмотря на то, что сегодня первый адвент и воскресное жаркое уже стоит в духовке.

Голос у Манфреда был запыхавшийся, словно он только что пробежал три километра вокруг церкви. Но, с другой стороны, у него всегда одышка – может, причиной тому килограммов пятьдесят лишнего веса. Как бы то ни было, к новостям, которые он мне сообщил, я была совершенно не готова. В лесу нашли Ханне Лагерлинд-Шён, одну, в состоянии переохлаждения и с провалами в памяти. Не могла бы я поехать к ней в больницу?

Видимо, у местной полиции ушли почти сутки на то, чтобы найти связь между Ханне и мной с Манфредом. Впрочем, что тут удивительного. В Урмберге полицейского участка нет. Ближайший находится в Вингокере, но мы с ними мало контактируем. А Ханне не помнит, что она делала в лесу и зачем вообще приехала в Урмберг.

Никогда бы не подумала, что такая женщина, как Ханне, может попасть в такой переплет. Она вежливая, тихая, патологически педантичная дама лет шестидесяти, столичный эксперт по поведенческой психологии, всегда приходит на собрания вовремя и все записывает в толстую коричневую тетрадь.

Как такое возможно? Как она забыла, где находится и кто ее коллеги?

И где, черт возьми, Петер Линдгрэн, он же обычно ни на шаг от нее не отходит?

Ханне и Петер входят в оперативную группу, которая повторно занимается делом об убийстве девочки в захоронении. С тех пор как новый шеф полиции приступил к своим обязанностям, он успел внедрить много изменений. Теперь мы должны быть строже по отношению к хулиганству и повышать показатели раскрываемости особо тяжких преступлений. Специальные команды созданы для работы с организованной преступностью. И еще одна новая инициатива: cold cases – нераскрытые убийства, поскольку с отменой закона о сроке исковой давности за убийства в 2010 году количество таких дел по всей стране растет как грибы после дождя.

Убийство девочки в Урмберге – как раз такое дело; его достали из архивов, чтобы посмотреть на него свежим взглядом. Мы работаем над ним уже неделю. Ханне и Петер состоят в НОА – государственном оперативном управлении полиции. И если я все правильно поняла, то они встречаются, хотя пара из них выходит весьма странная: Ханне лет на десять старше Петера. Манфред тоже из НОА. Они с Петером работают в паре уже много лет. Помимо них, в нашей команде еще Андреас Борг, ему лет тридцать, и обычно он работает в Эребру.

Ну и я, Малин.

То, что я расследую дело об убийстве девочки в Урмберге, довольно неожиданно. Не только потому, что именно я нашла ее останки осенним вечером восемь лет назад, но и потому, что, вообще-то, я только недавно закончила обучение и приступила к работе в полиции в Катринехольме. Но, наверно, должна быть логика в том, что выбрали именно меня. Наверно, меня послали в Урмберг, потому что я выросла здесь и должна знать тут каждую собаку. Думаю, я единственный полицейский во всем Сёрмланде, знающий эти места.

Тот факт, что именно я обнаружила останки, не повлиял на решение начальства. Им просто нужен был кто-то, кто ориентируется в здешних лесах и сможет найти общий язык со стариками и старушками в одиноко стоящих домах. Кто это сделает лучше меня?

В Урмберге не очень-то жалуют чужаков, а я знаю деревню и ее жителей как свои пять пальцев. Добавлю: тех, кто тут еще остался. Потому что с тех пор, как закрыли текстильную фабрику и мастерскую, почти все уехали. Теперь здесь можно встретить только дачников в сезон, пенсионеров и безработных неудачников.

И, естественно, беженцев.

Не знаю, кому пришла в голову блестящая идея разместить сотню беженцев в опустевшей деревушке посреди Сёрмланда. И это уже не в первый раз. Когда в девяностые годы пошла волна беженцев с Балкан, их тоже селили в здании фабрики.

Я вижу, как большой черный внедорожник Манфреда въезжает на парковку, и иду ему навстречу. Машина останавливается, и крупное тело Манфреда вываливается с водительского сиденья. Сгибаясь от ветра, сбивающего с ног, он идет в мою сторону. Его рыжая копна волос встает вокруг головы, словно нимб.

Он, как обычно, стильно одет: дорогое пальто, на шее с нарочитой небрежностью повязан красный шарф из тонкой шерсти. Под мышкой зажат коньячного цвета кожаный портфель.

– Привет, – я ускоряю шаг, зараженная его энергией.

Он кивает.

– Андреас тоже будет? – интересуюсь я.

– Нет, – отвечает Манфред, приглаживая растрепанные волосы. – Он у матери в Эребру. Сообщи ему завтра.

– Что-то слышно о Петере?

После некоторой паузы Манфред отвечает:

– Нет. Сотовый отключен. Ханне ничего не помнит. Я объявил его в розыск. Полиция и военные начнут прочесывать лес завтра утром.

Не знаю, близко ли дружат Манфред и Петер, но работают в паре они много лет. Обычно они понимают друг друга без слов и имеют одинаковую точку зрения по всем вопросам. Я часто вижу, как они общаются при помощи одних взглядов или кивков.

Естественно, Манфред переживает за напарника.

О Петере ничего не слышно уже два дня, с тех пор, как они с Ханне покинули наш временный участок в Урмберге в районе пяти вечера.

Я была последней, кто их видел.

Они оба были взбудоражены, словно спешили в какое-то интересное место. Я спросила, куда они направляются, и услышала в ответ, что они подумывают поехать поужинать в Катринехольм, потому что им надоело есть размороженную готовую еду, которая на вкус как картонка. Или что-то вроде того.

С тех пор мы ничего не слышали ни от Ханне, ни от Петера, но никто их и не искал, поскольку были выходные.

Мы заходим в больницу и спрашиваем, как пройти в палату. От яркого больничного света и натертых до блеска полов режет глаза. У Манфреда усталый вид. В глазах полопались сосуды, бледные губы сухие и потрескавшиеся. Но, впрочем, у него всегда усталый вид. Нелегко совмещать работу и воспитание маленьких детей, когда тебе под пятьдесят.

Ханне сидит на койке в больничной одежде. На плечи накинут оранжевый плед с эмблемой муниципального управления. Седые волосы влажные, как после душа. Руки покрыты ссадинами, а ноги забинтованы. На полу рядом с койкой стоит капельница, игла воткнута Ханне в руку. Ее затуманенный взгляд ничего не выражает.

Манфред подходит к Ханне и неуклюже обнимает ее.

– Манфред, – хрипло бормочет она.

Потом переводит взгляд на меня, склоняет голову на бок и смотрит. Взгляд ее выражает недоумение.

До меня не сразу доходит, что она меня не узнает, хотя мы работаем вместе над нераскрытым убийством уже больше недели.

От осознания этого у меня по коже бегут мурашки.

– Привет, Ханне, – говорю я и осторожно касаюсь ее плеча, боясь, что от одного моего прикосновения она развалится на кусочки, – такой хрупкой она кажется. – Это я, Малин, твоя коллега, – продолжаю я, стараясь сохранять спокойствие. – Ты меня не узнаешь?

Ханне несколько раз моргает и смотрит на меня полными недоумения глазами.

– Конечно, – отвечает она, но я вижу, что она врет: на лице ее написана такая мука, словно она напряженно пытается решить математическую задачу.

Я приношу табурет и сажусь напротив койки. Манфред присаживается на постель и обнимает Ханне за узкие плечи. Рядом с ним она кажется крошечной, как ребенок. Манфред прокашливается:

– Ты помнишь, что произошло в лесу, Ханне?

Ханне хмурит лоб и медленно качает головой.

– Не помню, – говорит она и закрывает лицо руками.

Сначала мне кажется, что ей стыдно и она хочет спрятаться от нас.

Манфред замечает мой взгляд.

– Ничего страшного, – утешает он Ханне и продолжает: – Ты была в лесу к югу от Урмберга вчера вечером.

Ханне кивает, выпрямляет спину и кладет руки на колени.

– Помнишь что-нибудь? – спрашиваю я.

Она качает головой и тербит клейкую ленту, которой приклеена к руке игла. Под обломанными ногтями – черная грязь.

– Тебя подобрала машина на дороге. Ты была вместе с молодой женщиной в кофте и блестящем платье. Помнишь?

– Нет, простите, мне очень жаль, но...

Голос у нее срывается, по щекам текут слезы.

– Ничего страшного, Ханне, – повторяет Манфред. – Ничего страшного. Мы выясним, что случилось. Ты помнишь, был ли Петер с тобой в лесу?

Ханне снова прячет лицо в ладонях.

– Нет, простите!

Манфред растерянно смотрит на меня.

– Какое у тебя последнее воспоминание? – прихожу я на помощь.

Я не надеюсь на ответ: ее плечи содрогаются, дыхание тяжелое, словно каждый вдох дается с трудом.

– Илулиссат, – отвечает она, не убирая ладоней от лица.

Манфред одними губами поясняет мне: «Гренландия».

Ханне и Петер недавно вернулись из Гренландии. Они провели там два месяца. Для Ханны это была поездка мечты: туда они отправились после раскрытия предыдущего особо сложного дела.

– Хорошо, – говорю я. – А потом вы приехали в Урмберг, чтобы расследовать дело об убийстве девочки, найденной в захоронении. Помнишь?

Ханне качает головой и всхлипывает.

– Ты *ничего* не помнишь об Урмберге? – вполголоса спрашивает Манфред.

– Ничего, – отвечает Ханне. – Ничего не помню.

Манфред берет ее тонкую руку в свою и о чем-то напряженно думает, потом замирает, переворачивает ее руку ладонью вверх и принимается пристально разглядывать.

Сперва я ничего не понимаю, но потом замечаю, что на руке у Ханне что-то написано. Расплывчатые цифры, нанесенные чернилами на бледной коже. Из-за ссадин сложно разоб-
раться, что там. Я вижу число 363, а дальше ничего не понятно.

– Что это? – спрашивает Манфред. – Что означают эти цифры?

Ханне недоуменно смотрит на свою руку, словно никогда раньше ее не видела. Словно перед ней не рука, а странный зверек, который пробрался в палату и улегся у нее на коленях.

– Не знаю, – произносит она. – Понятия не имею.

Мы сидим в кухне с врачом по имени Майя – моей ровесницей. Ее длинные светлые локоны падают на плечи. Майя напоминает мне одну из тех девушек, на которых я хотела быть похожей в юности, – миниатюрных, изящных, сахарно-сладких – полная противоположность мне. Под белым халатом – джинсы и розовая футболка. На груди синяя табличка с надписью «доктор», из кармашка торчат ручки.

В кухне два холодильника, посудомоечная машина, круглый стол и четыре табурета из фанеры. Посреди стола – пуансеттия в пластиковом горшке. Между листьями воткнута табличка с благодарностью.

Медсестры то и дело заходят, достают что-то из холодильника и бесшумно исчезают в коридоре.

– Она поступила к нам с переохлаждением и обезвоживанием, – сообщает Майя, наливая молоко в кофе. – Пациентка была только в тонкой блузке и джинсах при нулевой температуре.

– Без куртки? – удивляется Манфред.

– И без ботинок.

– Она что-то рассказала? – спрашиваю я.

Майя собирает светлые волосы в узел на затылке. Поджимает губы и картинно вздыхает.

– Она ничего не помнит. Антероградная амнезия. Это когда человек ничего не помнит после определенного момента. Сперва мы думали, что у нее черепно-мозговая травма, но этот диагноз не подтвердился. Внешних повреждений головы не было, а рентген не показал внутренних изменений. Но это не стопроцентно точно, поскольку только сделав рентген в течение шести часов после травмы головы можно увидеть все внутренние кровоизлияния. А она поступила к нам намного позже.

– Могло что-то напугать ее настолько, что она все забыла? – спрашиваю я.

Майя пожимает плечами и делает глоток кофе. Скривившись, отставляет чашку в сторону.

– Сорри! Кофе здесь просто мерзкий. Ты имеешь в виду, могла ли потеря памяти произойти из-за психологической травмы? Все может быть. Это не моя область. Но нам кажется, что тут мы имеем дело с деменцией. Возможно, усиленной травматичным событием. У Ханне проблемы с краткосрочной памятью, но она прекрасно помнит события из прошлого.

– Можно ли проверить ее медицинский журнал? – продолжаю я.

– Вы имеете в виду карту, которую ведет ее врач? Мы не можем заказать ее без согласия пациента. Таков закон. Впрочем, Ханне дала свое согласие. Но, к сожалению, она не помнит, кто и где ее наблюдает. А ведь это может быть бумажная карта.

Манфред прокашливается. Тербит щетину на подбородке.

– У Ханне были проблемы с памятью, – тихо говорит он.

– Да? Ты ничего не говорил, – удивляюсь я.

Он ерзает на табурете. Видно, что ему не по себе.

– Я не думал, что это так серьезно. Петер как-то упомянул об этом, но я решил, что она просто забывчивая, не думал, что у нее на самом деле деменция как диагноз.

Он теребит дорогие швейцарские часы на запястье. Его признание меня шокирует. Ханне что, принимала участие в расследовании, будучи больной? Как можно доверить человеку с деменцией решать вопросы жизни и смерти?

– Мы пока не знаем, чем вызваны проблемы с памятью, – дипломатично уточняет Майя. – Речь может идти как о деменции, так и о временной амнезии после физической или психологической травмы.

– Что теперь ее ждет? – спрашивает Манфред.

– Честно говоря, я не знаю, – отвечает Майя. – Социальная служба сейчас думает, где ее разместить, поскольку гериатрическое отделение переполнено. И ее состояние улучшилось, так что нет причин оставлять ее в больнице. По крайней мере, на мой взгляд. У нее проблемы с памятью, но физически она в хорошей форме.

– Память может вернуться? – спрашиваю я. – Это временное явление?

Майя грустно улыбается, отставляет чашку в сторону, сцепляет пальцы.

– Кто знает, – говорит она. – Все может быть.

Джейк

В школьном автобусе по дороге домой я сажусь рядом с Сагой. Никто больше никогда с ней не садится. Только я.

Мне нравится Сага.

Она не похожа на других. Не внешне, но внутренне. Словно она из совсем другого теста. Одновременно твердого и мягкого.

– Привет, – здоровается она и убирает розовую прядь с лица. Кольцо в носу поблескивает в сумеречном свете.

За окном поля. Километры и километры пахотной земли, ожидающей зимы. Местами лес. Скоро мы проедем бензозаправку на повороте шоссе, и за ней начнется густой лес, посреди которого стоит Урмберг.

Урмберг славится своим лесом. И захоронениями времен каменного века. Мы ездили на них смотреть на школьной экскурсии, но смотреть там особо нечего: круг, выложенный из камней, на холмике. Помню, я был разочарован, потому что ожидал увидеть руны, или бронзовые орудия, или что-то в этом стиле.

Сага берет меня за запястье. Меня словно пронзает током, щеки вспыхивают.

– Дай посмотреть, – просит она, переворачивает руку ладонью вверх, открывая написанные ручкой слова.

референдум

бланиширование

конъюнктив

Эти слова я услышал на сегодняшних уроках по обществознанию, домоводству и шведскому.

– Погуглю вечером, – поясняю я.

– Как мило, – шепчет Сага и мечтательно жмурит глаза.

Когда она так делает, я вижу, что веки у нее накрашены розовыми тенями с блестками. Кажется, что кто-то измельчил драгоценные камни и кисточкой осторожно нанес на веки. Мне хочется что-то сказать, прокомментировать тени, провести по ним кончиком пальца.

Но я сдерживаюсь.

У меня перехватывает дыхание, когда Винсент Хан со всей дури шлепается мне на колени. Меня обдает запахом табака и мятой жвачки. Его лицо так близко, что я вижу редкую щетину, желто-белые угри и пушок на верхней губе. Кадык пульсирует на шее. Выглядит это так, словно он проглотил яйцо целиком. Взгляд полон ненависти. Не знаю, почему он так сильно меня ненавидит. Я никогда ничего ему не делал. Винсенту просто нравится меня ненавидеть. Это одно из его любимых занятий. Никого он не ненавидит так, как меня. Я – главный объект его ненависти.

Винсент стискивает мне руку.

– Чёрт, смотри, что этот гомик написал на руке! – вопит он. – Кон... конъюн... Это что еще за хрень? Это когда в жопу имеют?

Винсент зловеще ухмыляется. С задних рядов раздается смех. Я молчу, это лучшая стратегия. Рано или поздно он отстанет.

Винсент выпускает мою руку, встает, берет меня за шею и начинает бить лбом о переднее сиденье.

Бум. Бум. Бум.

Лоб болит, затылок тоже.

Я знаю, что теперь могут быть два варианта развития событий. Или ему надоест и он вернется к приятелям, или побоев не миновать. Второй вариант, естественно, хуже первого. Намного хуже.

– Оставь его в покое, урод, – говорит Сага.

Винсент замирает.

– Ты что-то сказала, шлюха?

В голосе яд, но хватку он ослабляет и больше не бьет.

– Я сказала тебе отстать от него. У тебя что, проблемы со слухом? Это низко – бить тех, кто слабее тебя.

Винсент выпускает мою шею, и я бросаю взгляд на Сагу, которая смотрит прямо перед собой. Мы оба знаем, что она специально так сказала про меня, чтобы Винсент прекратил свои издевательства.

Я не возражаю. Я уже привык. Предпочитаю быть маленьким и неинтересным, чтобы никому не приспичило плевать в меня, бить, издеваться надо мной.

Это лучшая стратегия.

Через минуту Винсенту становится скучно, и он возвращается на свое место в конце автобуса. Затылок горит, как будто его обдали кипятком.

– Наплюй на него, – говорит Сага. – Он придурок. Ты в порядке?

Я провожу рукой по затылку, массирую больное место.

– Это было неприятно.

Сага нагибается ко мне.

– Когда он так делает, представляй, как он срет на толчке.

– Что?

Сага хихикает. Вид у нее довольный.

– Это мне мама посоветовала. Когда кто-то тебе портит жизнь или просто мнит себя пупом земли, нужно представить, как он ходит в туалет. И тогда тебе не страшно.

Я обдумываю эту идею.

– Ты права, – говорю я в конце концов. – Это работает.

Сага улыбается, и у меня все сладко замирает внутри.

– Увидимся вечером? – спрашивает она. – Я скачала новые ужастики.

– Можно, – говорю я. – Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Из дома не доносится ни звука. Слышно только шум леса. Шорох ветра в кронах деревьев, топот лап невидимых зверей в темноте. Воздух напоен ароматами – хвои, прелой листвы, мокрого угля в гриле перед домом.

Папин темно-синий «вольво» криво припаркован возле дома. Видимо, он спешил.

Я отпираю дверь и вхожу внутрь. Вешаю школьный рюкзак, стягиваю куртку.

В гостиной мигает свет телевизора. Он работает, но без звука. Папа спит на диване. Он громко храпит, одна нога свешивается вниз, словно он заснул в процессе подъема с дивана. На журнальном столике – пустые банки из-под пива.

Я осторожно поднимаю его ногу, кладу на диван и достаю покрывало, чтобы накрыть его. Папа что-то бурчит во сне, меняет положение и утыкается лицом в спинку дивана.

Выключаю телевизор, выхожу в прихожую. На цыпочках поднимаюсь к себе в комнату, осторожно закрываю дверь. Потом иду к кровати и достаю из-под матраса коричневую тетрадь.

Усаживаюсь на пол спиной к кровати.

Теперь я знаю, кто она – женщина, которую я видел в лесу, Ханне. О ней было написано на сайте местной газеты. Из статьи я узнал, что у нее «частичная потеря памяти» и что, когда ее подобрала машина, Ханне была в компании «молодой женщины». Полиция просит молодую женщину связаться с ними. Там был номер телефона. Любая информация может быть полезна,

потому что коллега Ханне, полицейский из Стокгольма, бесследно пропал. Дальше было написано, что Петер в день исчезновения был одет во «фланелевую рубашку в красно-белую клетку и синюю куртку марки „Сэйл Рэйсинг“».

Прочитав статью, я подумывал позвонить на этот номер. Но позвони я в полицию, они бы сразу поняли, что это я был там в лесу в лифчике, платье и в туфлях на каблуках. А это невозможно. Совершенно немыслимо. Я подумывал пойти в участок и отдать тетрадь, но участок находится в Вингокере и открыт только один день в неделю.

Да и как бы я объяснил, как она у меня оказалась?

Я много думал о том, что случилось, и решил, что лучше всего будет прочитать записи и посмотреть, есть ли там что-нибудь важное, что может помочь полиции с расследованием.

Сказано – сделано. Я открываю влажную тетрадку. На первой странице написано «Дневник» старомодным косым почерком. А под ним:

Читать утро + вечер.

Любопытно.

Зачем писать, что дневник нужно читать утром и вечером, как будто это лекарство по рецепту? И еще: разве дневник не пишется только для себя?

Ханне это сама себе написала?

Читать утро+вечер?

Как-то странно.

Перелистываю титульные страницы и открываю алфавитный указатель на целый разворот. После каждого слова идут цифры.

Я провожу пальцем по списку и читаю ряд на букву М.

Малин Брундин, полицейский: 5, 6, 8, 12, 20

Модус: 12, 23, 35

Металлический штифт в кости: 12, 23

До меня не сразу доходит, что это алфавитный указатель с номерами страниц. Я проглядываю дневник. Ханне пометила каждую страницу номером. Но зачем?

Это же дневник, а не книга для записи кулинарных рецептов.

Не найдя логического объяснения, я переворачиваю страницы и начинаю читать.

Илулиссат, 19 ноября

Разве можно быть такой счастливой?

Я именно там, где всегда хотела оказаться. С мужчиной, которого люблю.

Вчера утром П. разбудил меня, принес завтрак в постель. Он был в деревне и купил хлеб с семечками, который я так люблю. Это такая малость – сходить за хлебом. Но его забота греет мне душу.

Мы все утро провели в кровати. Занимались любовью, читали газету, заказывали кофе в номер.

Потом мы долго гуляли и обедали в лучах заходящего солнца. Солнце тут садится рано, около двух часов дня.

Погода все еще хорошая, но холоднее, чем две недели назад. Дни тоже стали короче. Светло только три часа в сутки.

Через десять дней наступит полярная ночь. Тогда будет темно круглые сутки. Солнце вернется обратно только в январе.

П. считает, что это жутковато, но я хотела бы остаться.

Я не скучаю по дому. Впервые в жизни я полностью счастлива. Несмотря на то, что моя память хуже день ото дня, даже это не может потревожить моего абсолютного гренландского счастья.

*Я и не знала, что такое счастье возможно.
Но подозреваю, что ненадолго.*

Илуиссат, 20 ноября

Последний день в Гренландии.

Великолепная погода, когда солнце наконец-то решилось выйти. Вода как зеркало. Айсберги покачиваются в заливе. Одни гигантские – длиной в километр, другие маленькие, с хлопковыми шапочками на верхушках. Цвета – от белоснежного до матово-бирюзового.

Я буду скучать по айсбергам. Им и древнему поселению Сермермиуту, которое мы посетили сегодня.

Я прижала ладони к круглым камням, которые миллионы лет шлифовал исландский лед, и пыталась представить жизнь в долине: поколения за поколением инуиты жили здесь, не оставив после себя следов, – в отличие от нас, современных людей, оставляющих после себя неизгладимый отпечаток везде, куда ступит наша нога.

Завтра утром мы возвращаемся в Швецию.

Я обожаю это место. И был бы у меня выбор, осталась бы здесь навсегда. Проводила бы долгую темную зиму при свете очага.

Но выбора у меня нет.

Надо возвращаться. Отпуск закончился. На две недели раньше намеченного срока. Нам предстоит расследовать cold case – висяк в маленькой деревне около Урмберга. Там восемь лет назад обнаружили скелет пятилетней девочки. Дело снова открыто. Мы отправимся туда сразу по возвращении.

Жизнь: всегда есть место, куда нужно ехать, всегда есть кто-то, кто в тебе нуждается.

На этот раз это мертвая девочка в древнем захоронении.

Я смотрю на записи в дневнике и размышляю. Ханне пишет о девочке, которую нашли в могильнике восемь лет назад. Мне тогда было шесть лет, я мало что помню, но папа рассказывал, что Малин собиралась с друзьями нажраться у могильника и ждать привидение, но вместо этого наткнулась на череп, когда писала в кустах.

Пытаюсь представить, каково ей было. Посреди ночи, при свете полной луны, обнаружить скелет. Пытаюсь, но не могу. Слишком абсурдно. Такое происходит только в кино или в других местах, может, в Стокгольме.

Но не в Урмберге.

Продолжаю чтение.

Я не хотела уезжать из Гренландии раньше времени. Мы даже поссорились. Точнее, я ссорилась, а П. куксился. Я спросила: неужели мертвая девочка ему дороже меня? Он сказал, что я в свои шестьдесят веду себя как ребенок. Что он ждал от меня понимания.

Шестьдесят.

П. говорит, что я красива. Но я не вижу ничего красивого в морщинах и дряблой коже. Но, с другой стороны, есть вещи и похуже старения.

Моя память например.

С каждым днем она все хуже и хуже. Наверно, надо бы позвонить врачу из клиники памяти, но мне не хочется. Они все равно ничем не смогут помочь. Лекарства, затормаживающие процесс, я уже принимаю. Большие ничего с моей болезнью поделать нельзя.

Я сидела на кровати и пыталась вспомнить, чем мы занимались днем, но не могла. Часы испарились из памяти, словно их смыло мощным растворителем.

Память – она как дрозд.

Врачи говорят, что у меня «хорошо сохранились когнитивные функции».

Слабое утешение, но хоть что-то.

Я КОГНИТИВНО ПОЛНОЦЕННА, несмотря на морщины, седые волосы и деменцию.

Но я бы не стала писать такое в объявлениях о знакомстве: «Шестидесятилетняя женщина с хорошими умственными способностями ищет спортивного мужчину для уютных домашних вечеров и долгих лесных прогулок».

Вчера: П., разумеется, заметил, что что-то было не так, но я ничего не сказала, когда он спросил. Лучше умру, чем расскажу ему. Да, я эгоистка, но я не хочу его потерять – мужчину, которого я люблю, чье тело я обожаю.

Я не знаю, чем все это закончится. Мое состояние ухудшается. П. не захочет быть со мной. Или не сможет.

Тогда я его потеряю.

Нет, П. не должен знать.

Кефлавик, Исландия, 21 ноября

В аэропорту. Ждем самолет в Стокгольм. Мы прилетели рано утром из Илулиссата в Нуук и оттуда в Исландию.

П. в радостном предвкушении. Он всегда такой, когда предстоит новое интересное расследование. Поразительно, что смерть человека может вызывать такой азарт.

Если честно, думаю, П. наскучило в Гренландии. Потому что иначе он не взялся бы с таким воодушевлением за это, в общем-то, заурядное дело. Это не просто cold case, это настоящий айсберг, холодный, как гренландские ледники.

Но П. воспользовался им как предлогом, чтобы уехать на две недели раньше.

Впрочем, я не возражаю. Возможно, в Урмберге тоже будет что-нибудь интересное.

П. читает протокол на ноутбуке. Я ем шоколад. Рассматриваю пассажиров. Гадаю, удастся ли мне еще хоть раз ждать у гейта самолета в дальние края.

Пора заканчивать. Объявили посадку.

Ночь.

Во время полёта мы попали в зону турбулентности. Стюардесса пролила кофе Петеру на колени. Она ужасно смутилась, всячески извинялась и пыталась вытереть пятно. Петер только улыбнулся и заверил ее, что все в порядке.

В это мгновение...

Я видела это у Петера в глазах. Видела, как он смотрит на нее. Его взгляд изучал ее тело, как новую страну. Новый неизведанный континент, куда он подумывает эмигрировать.

Мне хотелось закричать: «Я сижу тут, рядом, смотри на меня, а не на нее! Может, я и не такая молодая и красивая, зато я КОГНИТИВНО ПОЛНОЦЕННА!».

Но, естественно, я ничего не сказала. Он решил бы, что я, вдобавок к деменции, совсем с катушек слетела.

Завтра мы едем в Урмберг.

П. и Манфред просили помочь с расследованием. Не думаю, что им на самом деле нужна моя помощь. Думаю, это просто жест доброй воли. Но в любом случае будет здорово снова увидеть Манфреда.

И еще. Думаю, Петер хочет иметь меня поблизости, чтобы присматривать за мной. П. меня любит, но не доверяет. И я не могу его в этом винить. Я сама себе не доверяю.

Урмберг, 22 ноября

Урмберг совсем крохотный. Даже деревней его трудно назвать. Он расположен на пересечении двух проселочных дорог в богом забытом месте. Несколько старых домов. В самом большом – двухэтажном желто-коричневого цвета – когда-то располагался продуктовый магазин.

Там Манфред устроил временный участок и назвал его «Шато Урмберг». Забавно, потому что ничего общего с замком эта развалюха не имеет. По соседству – здание почты. Разумеется, почту давно закрыли. Теперь дом арендует компания, торгующая в Интернете одеждой и подушками для собак. Еще один многоквартирный дом стоит пустой. Двери и окна забиты досками, фасад испещрен граффити.

За зданиями – поля, заросшие сорной травой по колено.

В паре сотен метров, по другую сторону заросшего поля, – церковь. Но она тоже больше не используется. И нуждается в ремонте. Побелка совсем облезла.

За церковью – лес, лес и снова лес. На полянках – уютные красно-белые домики, большинство стоят рядом с рекой и церковью.

В Урмберге и окрестностях постоянно проживают около ста человек. Даже на фоне других малонаселенных пунктов это ничтожно мало.

Манфред представил нас Малин Брундин, недавно поступившей на работу в полицию выпускнице академии. Обычно она работает в Катринехольме. Но родилась в Урмберге. Знает здесь каждую собаку и ориентируется в местных лесах.

Малин нет еще и двадцати пяти. У нее длинные темно-русые волосы. Худая, спортивная, красивая заурядной красотой молодой девушки, которая не задумывается о своем внешнем виде.

Пока жизнь и годы не напомнят ей о себе.

Малин устроила нам брифинг. Показала место на карте, где нашли скелет 20 октября 2009 года.

Малин была одним из подростков, сделавших страшную находку. Ей было пятнадцать лет.

Странное совпадение. Но, как сказала Малин, Урмберг такой маленький, что самые странные совпадения здесь – каждодневная реальность.

Мы разглядывали фотографии скелета. Длинные пряди волос на черепе. Возможная причина смерти – внешнее насилие.

Малин показала увеличенные снимки следов перелома на черепе с наложенной линейкой, а также зубов, найденных рядом. Сломанные ребра напоминали белые ветки, вынесенные волнами на пустынный пляж.

Смерть – не самое красивое зрелище. При виде мертвых детей мне становится не по себе. Мне пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть.

Дети не должны умирать. Дети должны играть, набивать синяки, доставлять хлопоты, вырастать в обычных людей и заводить своих детей, которые будут играть, набивать синяки и доставлять хлопоты.

Они не должны умирать.

П. тоже не по себе, но не так сильно, как мне. Он привык видеть смерть. Он успел многое повидать за двадцать лет работы следователем. И к тому же мужчина. (Можете считать меня сексисткой, но я полагаю, что мужчины отличаются от женщин.)

Личность девочки не была установлена, хотя врачам удалось извлечь ДНК и все газеты освещали находку. Газетчики окрестили ее «девочка из Урмберга».

Это еще печальнее. Ребенок умер, и никто его не ищет.

Потом появился еще один коллега. Андреас Борг – симпатичный мужчина лет тридцати. Представитель местной полиции в нашей группе, обычно он работает в Эрбру.

Я отметила реакцию Малин на его появление. Она явно напряглась. Я не поняла, чем была вызвана эта реакция: интересом, неприязнью или раздражением от того, что он опоздал на собрание, но атмосфера в комнате изменилась.

Не думаю, что П. что-то заметил (думаю, потому что он мужчина).

Надо заканчивать. Время обеда.

Я закрываю глаза и думаю о могильнике, представляю его при свете луны в окружении темных сосен. Почти ощущаю, как высокие папоротники щекоют ноги, как мягко ступают по мху подошвы.

Девочка из Урмберга.

Люди по-прежнему говорят о ней, как говорят обо всем, чего больше нет, например о трикотажной фабрике или мастерской Бругренсов.

Я раньше об этом не думал, но все разговоры в Урмберге о прошлом.

Звонок мобильного прерывает мои размышления.

Это Сага.

Смотрю на ладонь.

когнитивный

инкуит

сексист

Надо будет погуглить при случае.

Малин

Сегодня четвертое декабря, понедельник, и никто не видел Петера с вечера пятницы. Мне вспоминается растерянное выражение лица Ханне, когда мы с Манфредом навестили ее в больнице, раны на ее руках и ногах.

Что с ней случилось в лесу?

Идет снег. Тяжелые хлопья, кружась, опускаются с темного неба и бесшумно укладываются на мох и черничные кусты.

Я стою у старой лесопилки возле реки, всего в паре сотен метров от могильника. Ханне обнаружили в субботу в другом месте, но, поскольку Петера до сих пор не нашли, радиус поисков расширили. Полиция, армия и добровольцы методично прочесывают лес в поисках пропавшего.

Это сложная задача. Лес густой, непролазный, полон валежника и деревьев, поломанных бурей в прошлую пятницу.

Местная полиция ведет дело о пропаже человека, но мы тесно сотрудничаем. Отчасти потому, что Петер наш коллега и мы были последними, кто видел его и Ханне перед исчезновением, отчасти потому, что не можем исключать возможности, что его исчезновение как-то связано с нашим делом.

Поисковыми работами руководит Сванте из Эребру. Ему на вид лет пятьдесят, он коллега Андреаса. Сванте с его седыми волосами и курчавой бородой похож на Санта-Клауса. На голове грубая вязаная шапка. Его огромный пуховик напоминает мне об отце.

– Ну что? – интересуюсь я. – Нашли что-нибудь?

– Ничего, – отвечает Сванте, натягивая пеструю шапку на уши. – Мы прочесали лес, проверили незапертые дома. Но собакам нелегко идти по следу. Прошло трое суток. Куча народу тут наследили.

Три недели назад Петер и Ханне прибыли в Урмберг. Несмотря на то что мы успели поработать вместе только неделю до их исчезновения, мне кажется, что я знаю их намного дольше. Петер пропал трое суток назад, но такое ощущение, что это было вчера. Время словно сжимается, протестуя против случившегося.

Я показываю Сванте заброшенный завод. Объясняю, что находилось в разных зданиях, – доменная печь, литейная оснастка, угольный склад.

Кирпичные строения хорошо сохранились, хотя по зияющим черным окнам видно, что пустуют они уже давно. А вот от деревянного сарая для угля осталась только груда досок. Мы перешагиваем через ветки и идем к одной из печей для руды, расположенной в красивом восьмиконечной формы здании с высокой кирпичной трубой.

Внизу тихо течет черная вода. Свет фонаря высвечивает одинокие листья на поверхности воды.

– Почему вы больше не ищете с вертолета? – спрашиваю я, смахивая с носа снежинку.

– Мы вчера облетели всю территорию с инфракрасной камерой на борту, – отвечает Сванте и поднимает глаза к небу. – Ничего не нашли. А поскольку тут сплошной лес, сверху ничего не разглядеть. От прочесывания леса больше пользы будет.

После некоторого колебания я задаю вопрос, который не давал мне покоя целый день:

– Можно ли выжить в лесу после трех дней на таком холоде?

Сванте останавливается, встречается со мной взглядом и пожимает плечами.

– В лесу? Без спального мешка и палатки? Не думаю. Но мы не знаем наверняка, где он. Он перешагивает камни на берегу.

– Будь осторожна, а то упадешь, – говорит он, кивая в сторону реки.

– Знаю.

Знаю, что не свалюсь даже с завязанными глазами. Подростком я зависала здесь каждое лето. Мы тут тусили, купались, пили пиво, жарили шашлыки. Курили, мутили. Пробовали на вкус новообретенную свободу и взрослую жизнь, которая простиралась перед нами, словно фуршетный стол.

А теперь все уехали отсюда в поисках работы.

Все, кроме Кенни.

Мы остановились у стены из черного камня, и я принялась сметать с нее снег.

– Мой дедушка работал здесь с шестнадцати лет до того, как завод закрылся в тридцатые годы, – рассказываю я. – Это он выложил эту стену.

Пытаюсь представить, как здесь все выглядело в начале века, когда завод был еще открыт. Когда-то здесь кипела работа, а теперь он стоит заброшенный, полуразваленный и поросший мхом и сорняками.

– Странные камни.

– Это шлаковый кирпич, побочный продукт при производстве стали.

Я бросаю взгляд на стену и на трубу.

– А откуда была руда? – интересуется Сванте.

– Из Бергслагена. И еще с острова Утэ под Стокгольмом.

– А почему завод закрыли?

– Конкуренция, – говорю я. – Слишком дорого было плавить сталь здесь. То же произошло и с текстильной индустрией и сталелитейным производством. Рабочие места исчезли, а мы остались.

– А что стало с людьми, которые работали на этих фабриках?

– Им пришлось туго. Бабушка и дедушка были детьми во время Великой депрессии, они рассказывали ужасные истории. С трудом верится, что это правда. Несколько лет они питались одной рыбой и пекли хлеб из коры. В Урмберге мало пахотной земли, и с уходом производства никакой работы не осталось. Большинство уехали отсюда. Но их семья не хотела покидать свой дом – их единственную собственность.

– Вот как, – вздыхает Сванте и поворачивается, чтобы идти дальше.

– Из Урмберга люди только уезжают, никто не переселяется сюда.

Сванте оборачивается, встречается со мной взглядом и утирает нос рукавицей.

– А как же беженцы? Новоприезжие? – интересуется он. – Может, с их появлением Урмберг снова расцветет.

– Ты серьезно? Куча арабов посреди леса. Это не может хорошо кончиться. Они же понятия не имеют, что это за места.

– Но им же помогут? – возражает он. – Выучить язык, найти работу.

Я не отвечаю, потому что он прав. Им дают всю ту помощь, которой Урмберг никогда не получал. Никто и пальцем не пошевелил, когда производство закрылось и деревня начала вымирать.

Когда мы, коренные жители этих мест, переживали трудные времена, никто не пришел к нам на помощь. Но такое нельзя произносить вслух. Особенно если работаешь полицейским и представляешь доброе и справедливое общественное устройство.

Прощавшись со Сванте, я иду через лес к машине. Уже стемнело, и мне не по себе. Я знала, что поисковая операция будет сложной, но все равно надеялась, что они что-то найдут. Что угодно: варешку, старый чек, коробку от снуса – любое доказательство того, что Ханне с Петером были здесь.

Но все, что тут есть, – это лес. И река с ее скользкими глинистыми берегами, текущая между деревьями.

Почти достигнув шоссе, я слышу какой-то звук. Словно кто-то позади меня наступил на ветку. Я резко оборачиваюсь, включаю фонарик и направляю его луч в темноту. Но все, что я вижу в свете фонарика, – это огромные ели и заросшие кусты.

Я продолжаю путь, но ускоряю шаг.

Снег начинает идти сильнее.

Крупные хлопья кружатся в свете фонарика. Я думаю, что фонарик этот – слабое утешение, потому что за пределом его скромного ареала царит непроглядная тьма. Зато меня видно не хуже любого маяка.

Лес начинает редеть, дорога уже близко, но снова мое внимание привлекает какой-то звук. Это похоже на то, как кто-то тащит что-то тяжелое по камням.

Я стремительно оборачиваюсь и направляю фонарик на звук, но ничего не видно. Снег отражает свет. Выключаю фонарик, моргаю и жду, когда глаза привыкнут к темноте.

Постепенно проступают контуры деревьев.

Это не косуля, не заблудившийся коллега, никто за мной не идет, но все равно я чувствую, что там, в лесу, кто-то есть.

Кто-то или что-то.

– Эй! – кричу я. – Кто там?

Нет ответа. Все, что я слышу, – это мое собственное учащенное дыхание.

Я снова поворачиваюсь, чтобы идти, и тут за спиной раздаются шаги. Шаги и что-то похожее на смех. Шаги приближаются, и я слышу тяжелое дыхание.

В десяти метрах от меня появляется черная фигура. Это мужчина. Он медленно и неуклюже идет по тропинке.

А следом за ним бегут три фигуры поменьше, судя по всему дети. Мальчик в красной шапке держит в руке что-то похожее на палку.

Мужчина спотыкается, падает лицом в снег. С его губ срывается стон.

Мальчик с палкой вопит:

– Мы его догнали!

Преследователи окружают мужчину в снегу. Мальчик в красной шапке бьет несчастного палкой. Он бьет и бьет, мужчина стонет.

Я с содроганием осознаю, кто этот мужчина на снегу.

Это Магнус.

Магнус-Мошонка.

Так его называют. Потому что когда-то его пнули в пах, и мошонка у него разбухла до размеров футбольного мяча. Пришлось делать операцию в больнице. Отсасывать кровь. С тех пор все зовут его Магнус-Мошонка. Так заведено в наших местах. Раз тебе дали кличку – будь добр, мирись с ней до конца жизни.

Магнус – мой кузен и по совместительству местный урмбергский дурачок.

Не думаю, что у него отставание в развитии, скорее, его состояние вызвано социальными проблемами. Разумеется, он не такой, как все, но сложно сказать, что именно с ним не так. Всю свою жизнь я испытывала по отношению к кузену нежность и желание его защищать, несмотря на то, что он на двадцать лет старше.

А в защите он нуждается. Потому что хулиганистые местные мальчишки постоянно издеваются над ним. Швыряют в него камнями, подкладывают хлопушки в почтовый ящик, протягивают бечевку перед дверью, чтобы он споткнулся.

Случалось, что Маргарета – моя тетя и мать Магнуса – отлавливала этих детей и закатывала им пощечины. Или звонила родителям, угрожала и скандалила, как она это умеет. И это срабатывало. Но только на время. Дети приходили и просили прощения с красными щеками и виноватыми глазами.

Но через несколько недель они снова брались за свое.

Это одна из вещей, которую я ненавижу в Урмберге: здесь некуда спрятаться от придурков, некуда бежать.

В такой маленькой деревне ты всегда у всех на глазах.

Одинокий и беспомощный.

Я бегу к Магнусу и его мучителям.

– Что вы творите? – кричу я.

– Черт! – восклицает мальчишка, швыряет палку в снег и бежит к дороге. Через секунду остальные следуют его примеру.

– Мы просто пошутили, – кричат они, скрываясь за деревьями.

Я не знаю, бежать за ними или нет. Решаю остаться с Магнусом.

Опускаюсь рядом и осторожно трогаю его за плечо.

– Магнус, это я, Малин. Ты в порядке?

Магнус громко всхлипывает. Тяжелое тело все трясется, но он ничего не говорит.

– Ты в порядке? – повторяю я, поглаживая его по спине.

– Неет, – плачет он. И добавляет: – Только не говори маме. Пожалуйста!

Я обещаю ничего не рассказывать и помогаю Магнусу подняться. Отряхиваю снег с куртки, обнимаю его. Магнус плачет у меня на плече – стокилограммовый сорокапятилетний мужчина, которого бьют и гоняют школьники.

Высадив Магнуса у дома, я чувствую, что на смену гневу приходит покой. Сердце бьется нормально. Теперь, когда гнев прошел, я снова могу мыслить рационально. И разум говорит, что нельзя устроить хулиганам головомойку, если ты работаешь в полиции.

Судя по всему, они обнаружили Магнуса у завода – вся деревня собралась там поглазеть на поисковые работы – и загнали в лес.

Магнус прекрасно знал, кто его преследовал, но отказался называть мне имена.

Видимо, ему было слишком стыдно.

Примерно на середине пути от завода в центр я, как обычно, останавливаю машину. Иногда я паркуюсь, выхожу из машины и какое-то время сижу у канавы.

Но сегодня у меня нет времени. Нужно возвращаться в участок. И мне по-прежнему не по себе. Я смотрю на темный лес за окном и делаю глубокий вдох.

Именно здесь с Кенни произошел несчастный случай.

Я закрываю глаза, пару минут сижу в тишине. Слышно только мотор на холостом ходу. Потом выпрямляюсь, включаю зажигание и отправляюсь в деревню.

Мама звонит, когда я уже подъезжаю к участку. Спрашивает о свадьбе. Точнее, предлагает экономные решения, чтобы потратить как можно меньше денег.

Мама всегда боится непредвиденных расходов, и несмотря на то, что я сотни раз заверила ее, что ей не придется потратить на свадьбу ни кроны, она продолжает тревожиться.

– Хватит говорить о деньгах, – перебиваю я. – Я заплачу. Главное – чтобы все выглядело достойно.

В трубке тихо. Я представляю, как мама сидит на диване, подперев голову рукой. Мама никогда не понимала, почему свадьба так важна для меня. Во времена ее молодости люди не уделяли такого внимания свадьбам, не делали из них события. Тогда женились только потому, что так было принято, или потому, что невеста была в положении.

Если бы у меня был выбор, я не стала бы устраивать свадьбу в Урмберге, поскольку я всю жизнь потратила на то, чтобы выбраться отсюда. Но это разбило бы маме сердце, а этого я не хочу. И к тому же летом тут очень красиво, так что свадьба должна получиться достойная.

Я паркуюсь перед бывшим продуктовым магазином. Телефон все еще прижат к уху.

– Малин, – тихо говорит мама голосом, полным невысказанной тревоги. – Дорогая, с таким подходом ты рискуешь оказаться разочарованной. Расслабься. Все будет хорошо. Поговорим, когда ты вернешься домой, ладно?

Я соглашаюсь и кладу трубку. Запираю машину и иду в наш временный участок, устроенный в бывшем продмаге.

Продуктового магазина в Урмберге сейчас нет. Покупателей недостаточно. Когда мама была маленькой, тут была торговая лавка, но в восьмидесятые владельцы, семья Карлман, продали лавку сети супермаркетов. Десять лет назад магазин закрылся, и с тех пор здание пустует. Подростки иногда используют его для тайных вечеринок. Я сама бывала здесь и пила в этих стенах алкогольное пойло при свете свечей. Это одно из немногих развлечений, доступных молодежи в этой богом забытой дыре.

Я снимаю куртку и сажусь за компьютер. Бросаю взгляд на фотографии скелета на стене – напоминание о расследовании, о котором мы почти не говорили последние сутки. Достāju блокнот и листаю его.

Пикает сотовый. На экране – сообщение от Макса: «Серый или бежевый плед на диван?».

Макс – это мой парень, или, точнее, жених, поскольку мы обручены и летом собираемся пожениться. Он юрист в страховой компании в Стокгольме. После свадьбы я тоже перееду в Стокгольм и тогда окончательно распрощаюсь с Урмбергом. Все невидимые нити, связывающие меня с этой дырой, как пуповина связывает младенца с матерью, будут перерезаны.

И Макс выступает в роли ножниц. Благодаря ему это станет возможным.

Это делает меня счастливой.

Конечно, я буду поддерживать связь с мамой. Навещать пару раз в год, может, три, приглашать ее в Стокгольм.

Дверь открывается, впуская холодный ветер, листву и запах мокрой земли, и в проеме возникает крупное тело Манфреда.

– Привет! – здоровается он. – Как поиски?

– Так себе, – отвечаю я. – Я только с завода. Ничего не нашли.

Он закрывает дверь и снимает пальто. Опускается на стул напротив меня. У него вид человека на грани отчаяния. Отчаяния и бешенства. Тревоги последних дней пробудили в нем агрессию, которой я раньше в нем не замечала.

– Проклятье!

Я молча киваю и смотрю на него. Рыжие волосы прилипли к макушке, твидовый костюм странно смотрится здесь, в Урмберге.

Манфред словно с другой планеты.

Никто, ни одна душа в Урмберге, не осмелился бы так вырядиться. Даже стокгольмцы, поселившиеся на старом хуторе на другом берегу реки, чтобы разводить странных маленьких лошадей, на которых нельзя кататься верхом; даже немцы, купившие полуразрушенную избушку в лесу, чтобы быть ближе к природе.

Когда Манфред прибыл сюда с коллегами, я подумывала посоветовать ему поменять стиль. Чтобы облегчить общение с местными жителями. Местные не будут уважать человека, который наряжается, как английский лорд на лисьей охоте. Но я ничего не сказала. А потом Петер пропал, и Манфред так расстроился, что я не осмелилась поднять эту тему.

Он по-прежнему в состоянии шока.

Как и я.

Мы все переживаем за Петера. Журналисты не дают нам прохода, задавая вопросы, на которые у нас нет ответа. Не понимаю, где они остановились. В Урмберге нет отеля, только кемпинг у озера Лонгшён, но в это время года он пустует.

– Расскажи, – просит Манфред, ставя на стол термос и кивая на карту перед нами.

Посреди лэна Сёрмланд лежит Урмберг – несколько тысяч гектаров каменистой поросшей лесом земли, непригодной для сельского хозяйства. Когда-то здесь процветало производство, но сегодня деревня вымирает. На карте видно только лес, бесконечный лес. И дюжина хуторов, разбросанных тут и там, по обеим берегам реки, текущей в Вингокер.

Поверх карты мы начертили сеть и поместили важные места: захоронение, где я нашла скелет, заброшенный завод, место, где обнаружили Ханне.

– «Missing people» и военные сегодня прочесали этот район, – показываю на два квадрата на карте, – я говорила со Сванте, руководителем поисковой операции.

– И?

– Ничего. Но непролазный лес затрудняет поиски... В таких условиях легко не заметить...

Я хотела сказать «тело», но вовремя спохватилась. Никто из нас не хочет думать о Петере – добром и симпатичном полицейском из Стокгольма – как о «теле». Симпатичном, если вам нравятся мужчины постарше. Петеру пятьдесят лет, теперь мне это известно. Теперь я знаю, что его рост 185 см, вес 80 килограммов и что он встречается с Ханне. У него есть сын-подросток, Альбин, которого он почти не видит, и бывшая, которую Петер не переваривает.

Когда ты являешься предметом полицейского расследования, ни о какой личной жизни речи уже не идет. Не важно, жертва ты или преступник. Мы будем копать в твоём грязном белье, которое ты обычно прячешь в глубине шкафа, мы достанем его и вывесим на всеобщее обозрение.

Интересно, что Петер подумает, когда узнает, что мы тут в импровизированном участке сидели и обсуждали его рост, вес и сексуальные предпочтения.

Если ему, конечно, суждено это узнать.

Его никто не видел с пятницы, а ночью температура опускалась гораздо ниже нуля.

А в ночь с пятницы на субботу была буря. Ветром повалило деревья и сдуло крышу с сарая к северу от Урмберга. Так что нельзя исключать, что с Петером в лесу произошел несчастный случай.

Манфред открывает термос и тянется за бумажным стаканчиком. Убирает волосы со лба.

– Кофе?

– С удовольствием.

Он наливает дымящуюся жидкость в стаканчик и протягивает мне.

– Я говорил с Берит Сунд, женщиной, которая помогает социальной службе с Ханне.

– Ханне у *Берит Сунд*?

Берит живет в старом деревянном доме за церковью. Уже когда я была ребенком, Берит казалась мне старухой. Сложно представить, как в ее возрасте она может о ком-то заботиться, особенно о таком человеке, как Ханне, с ее травмами и потерей памяти. Но я помню, что у Берит есть опыт работы с инвалидами.

– Да, Ханне живет с ней временно. Пока служба не найдет другое решение. Мне кажется, это даже удобно, потому что это недалеко и мы можем ее навещать. Может, Ханне что-то вспомнит.

– Есть такой шанс? – спрашиваю я с сомнением.

– Понятия не имею.

Манфред смотрит в чашку. Весь его вид выражает бесконечное отчаяние.

Мне хочется его утешить, но я не знаю как.

– Не понимаю, как ей удавалось скрывать от нас свое состояние, – говорю я. – Я имею в виду, если она даже не помнит, где она, то дело тут серьезно. Как можно было это скрывать?

Манфред качает головой. Его двойной подбородок дрожит.

– Знаю. Это странно. Но, думаю, у нее были свои причины. И она хорошо справлялась. Помнишь, у нее всегда при себе была тетрадь.

Я киваю. Конечно, я помню коричневую тетрадку у нее под мышкой. Она все туда записывала. И время от времени перечитывала.

– Думаешь, она туда все записывала?

– Да, – отвечает Манфред, отхлебывая кофе. – Я уверен в этом. Иначе она не справилась бы с работой.

– Но тогда там все задокументировано. Все, что говорили люди, все, что...

Манфред не отвечает. Он смотрит в грязное окно, за которым темнота. Темно и тут, внутри. Одинокая лампочка, свисающая на проводе с потолка, и мерцающий экран компьютера – единственные источники света.

Мы сидим в комнате, которая раньше была кабинетом управляющего магазином. В соседней комнате располагалось торговое помещение. Там по-прежнему стоят стеллажи и старый прилавок. Стены пестрят граффити. Когда мы приехали, нам пришлось вынести горы пустых бутылок, окурков и использованных презервативов. Тогда нам это казалось забавным. Манфред окрестил магазин «Шато Урмберг», обитель греха в темных лесах Сёрмланда. А Ханне достала тетрадку... видимо, чтобы записать эти слова.

Манфред проводит толстым пальцем по карте. После него остается кофейное пятно.

– Ханне нашли тут, по дороге к югу от Урмберга. Мы осмотрели лес в радиусе километра и опросили живущих поблизости. Семья Брундин, твои родственники, судя по всему, в пятницу была в Катринехольме. В субботу они были дома, но ничего не заметили. И семья Ульссон тоже, или как?

Я качаю головой.

– Я говорила с отцом, Стефаном Ульссоном. И дочерью Мелиндой шестнадцати лет. Никто ничего не видел. В субботу дочь была у своего парня, а отец играл у приятеля в компьютерные игры.

– Компьютерные игры?

– Да, еще есть сын, Джейк. Он в субботу был один дома.

– Джейк? Джейк Ульссон? Его правда так зовут?

Я киваю:

– Типичное имя в этих местах.

Манфред прячет улыбку, но молчит, явно не желая меня оскорбить своим смехом.

Мы, конечно, немного узнали друг друга за последние недели, но недостаточно хорошо для подобных шуток. Особенно если это касается моих родных мест.

Я улыбаюсь, давая понять, что пора сменить тему. Манфред понимает намек и держит язык за зубами.

– А что с женщиной, которая обнаружила Ханне? – интересуюсь я. – С ней кто-нибудь разговаривал?

– Да, она живет в Вингокере. Я звонил ей утром. Она подтвердила сказанное ранее, но ничего нового не сообщила. Женщина направлялась в гости к подруге в Урмберге в восьмом часу вечера в субботу, по ошибке свернула влево перед деревней и повернула сразу, как только поняла ошибку. Тогда-то она и увидела Ханне на дороге и, поняв, что случилось несчастье, отвезла ее в больницу.

– А девушка?

– Женщина-водитель утверждает, что рядом с Ханне стояла молодая девушка. На вид лет двадцати, в золотистом платье или юбке и черной кофте. Без куртки.

– Не понимаю. Кому пришло в голову разгуливать по лесу в платье в такое время года? Да еще в такую погоду.

Мы оба погружаемся в раздумья.

– Может, стоит снова поговорить с Ханне, – предлагает Манфред.

Я думаю о Ханне. Подруга Петера, специалист по поведенческой психологии с большим опытом составления психологических профилей преступников. Манфред мне много рассказал о ней за те три дня, что мы работали в Урмберге вместе до приезда Ханне и Петера. Манфред сказал, что не встречал женщины проницательнее. Ее наблюдения всегда оказывались пугающе точными. Коллеги за глаза называли ее ведьмой.

Но Ханне здорово нас провела. Никто не заподозрил, что она серьезно больна.

Не знаю, что я думаю о Ханне.

У меня часто возникало ощущение, что она странно смотрит на меня. Особенно когда я говорила с Андреасом. Эти взгляды липли ко мне, как жвачка, и мне от них становилось не по себе.

– Мы должны сделать попытку отыскать дневник Ханне, – настаивает Манфред. – Если она все записала, эти записи помогут нам найти Петера. Я спрашивал Ханне о нем по телефону, но она ничего не помнит. Берит тоже никакой тетради не видела.

– У Ханне ее нет. В отеле тоже, – размышляю вслух. – Мы со Сванте там были.

– Наверно, она была у нее при себе, когда они пропали, – предполагает Манфред. – И потерялась в лесу.

– Ну, тогда найдется весной, когда растает снег.

Манфред вздыхает.

– А машина Петера?

Я заглядываю в свои записи.

– Тоже пока не нашли. Машина объявлена в розыск. Коллеги проверяют сигналы сотовых Ханне и Петера и банковскую карту Петера.

Манфред замолкает. Вид у него снова рассерженный. Он прикрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Я думала о цифрах у Ханне на руке, – говорю я.

– Которые она написала на ладони?

– Да. Если, конечно, это она сделала. Там было «363» и дальше неразборчиво. Что это могло быть?

Распахивается дверь, входит Андреас. Он в джинсах, флисовой кофте и теплом жилете. Темные кудрявые волосы влажны от снега, рукава кофты все промокли.

– Что-то вы припозднились, – говорит он и встает совсем рядом со мной, отчего я невольно напрягаюсь.

Андреас из тех мужчин, которые считают себя подарком небес для всех женщин только потому, что родились с пенисом между ног. Он абсолютно уверен в своей неотразимости и считает, что никто, в том числе и я, не может перед ним устоять.

Он явно преувеличивает.

Я к нему абсолютно равнодушна. Нахожу его жалким и даже смешным. Он как маленький мальчик, нуждающийся в подтверждении своей принадлежности к мужскому полу, но от меня он этого подтверждения не получит.

Возвращаюсь к карте. К квадратикам, символизирующим дома, и извилистой линии, символизирующей реку. К темным линиям, передающим возвышенности и низменности.

Андреас прокашливается и подходит еще ближе. Его нога почти касается моей руки.

– Я только что от «Missing People». Они нашли в лесу одну вещь. Совсем рядом с местом, где была обнаружена Ханне. Не знаю, связана ли она с ними, но...

Не закончив предложения, он роется в кармане жилета, вытягивает пустой на вид пластиковый пакетик и кладет на стол передо мной.

Капля воды приземляется мне на руку.

Мы наклоняемся, чтобы рассмотреть содержимое пакетика, а Андреас продолжает рассказ:

– Я послал туда криминалистов на всякий случай. Парень из «Missing People» сказал, что видел отпечаток обуви. Они накрыли его чем-то, чтобы снег не уничтожил следы.

Прищурив глаза, я разглядываю пакетик. Внутри что-то поблескивает.

Это маленькая золотистая пайетка.

Джейк

Высота Эйфелевой башни 324 метра, вес примерно десять тысяч тонн, число стальных балок – двенадцать тысяч, число вермландских заклепок – более двух миллионов. На строительство ушло два года. Только один строитель погиб за это время, и не за работой. Он хотел показать своей девушке башню за пару дней до открытия в 1889 году, но упал со второго этажа и разбился насмерть.

Вот он удивился. Девушка, разумеется, тоже.

Это все я прочитал в Интернете.

Важно знать все факты, чтобы изготовить хорошую копию Эйфелевой башни.

Видом своей миниатюрной башни я недоволен. Что-то не так с верхней частью. Она какая-то кривая. Я пытаюсь поправить ее щипцами, но в итоге башню перекашивает на другой бок.

Это чертовски трудно, хотя я погуглил фотографии и чертежи и потратил кучу времени на эту башню.

Распахивается дверь, и в комнату влетает Мелинда. Она одета в облегающее черное платье до середины бедра. Красивое платье, совсем не в стиле Мелинды. Слишком красивое для нее. «Вот бы его примерить», – мечтаю я, разглядывая сестру. Не могу выкинуть эти мысли из головы.

Это как болезнь. Избавиться от мыслей невозможно. Они преследуют меня, как упрямый щенок, который таскается за тобой повсюду и трется о ноги. Бесполезно говорить ему прекратить, потому что он принимает мое недовольство за желание поиграть.

Но я не хочу.

Я хочу, чтобы эта болезнь прошла. Оставила меня в покое и исчезла в лесу, как тот полицейский.

Мелинда резко тормозит посреди комнаты и прижимает руки ко рту.

– Черт! Потрясающе! Ты сам сделал?

Она подходит ближе и спотыкается о гору искореженных пивных банок. Банки гремят, Мелинда хватается за стол, чтобы не упасть.

– Это нам задали в школе, – объясняю я. – Сделать какой-нибудь известный объект из мусора.

У Мелинды блестят глаза, когда она разглядывает башню и проводит пальцем по шпилью.

– Выглядит как настоящая. Как тебе это удалось?

Я показываю на искореженные пивные банки.

– Умно придумано, – улыбается Мелинда. – Чертовски умно. Чего-чего, а банок у нас хватает. А как ты их спаял?

– Сперва построил остов из вот этого, – я показываю на кайму сверху пивной банки. – Тут металл крепче, чем в остальной части. Я их расплющил и скрепил проволокой. А потом нарезал полосок из банок и приклеил на остов.

– Потрясающе. Ты должен стать... Как там зовут тех, кто рисует дома?

– Архитектор?

– Точно. Ты должен стать архитектором.

Мысли о том, что я кем-то стану, когда вырасту, раньше меня не посещали. А чтобы я стал еще и архитектором – это вообще за гранью фантазии.

– В Урмберге нет архитекторов, – говорю я.

Это на самом деле так.

В Урмберге есть только пенсионеры и безработные. И еще Стилманы, торгующие одеждой для собак через Интернет, и Скуги, разводящие нелепых мини-лошадей. Летом бывают

еще немцы и стокгольмцы. Они бродят по лесу в странной одежде, похожей на военную форму, и плавают на байдарках.

Ну и, конечно, жарят мясо на гриле.

Безветренными летними вечерами над Урмбергом стоит мясной дым – гигантское облако вонючего чада от барбекю.

«Пахнет стокгольмцами», – обычно говорит папа и морщит нос.

– Можешь помочь мне выпрямить волосы утюжком? – спрашивает Мелинда.

– Конечно, – отвечаю я, стараясь скрыть радость от этого предложения.

Парни не должны заниматься волосами. Только парикмахерам-геям из Стокгольма такое может нравиться или артистам, которым важно, чтобы девочки лайкали их в «Инстаграме».

Я следую за Мелиндой в ее комнату. Пол завален одеждой: стринги ярких цветов, кружевные лифчики, вывернутые наизнанку джинсы. Мелинда поднимает их и швыряет через комнату. Джинсы приземляются рядом с кроватью.

Удушающе пахнет духами. Письменный стол завален косметикой.

Все такое красивое: румяна с блестками, подводка для глаз, тени всевозможных цветов, тюбики с неизвестным содержимым, розовая косметичка с буквами, вышитыми стразами.

На косметичке написано «Bitch».

Как бы мне хотелось иметь такую же.

Но это было бы извращение.

Я сглатываю и беру с пола утюжок, от которого пахнет жжеными волосами.

– Окей, – говорит Мелинда. – *Let's do it!*

Она подцепляет волосы заколкой, и я начинаю их выпрямлять. Это уже стало нашим с Мелиндой ритуалом. Я помогаю ей с волосами, когда у нее свидание или вечеринка.

– Какой ты милашка, – сюсюкает она и тянется за лаком для ногтей.

– Куда ты собираешься?

– На свиданку с Маркусом, – рассеянно отвечает она, занятая окрашиванием своих длинных острых ногтей.

Маркус – парень Мелинды. Ему восемнадцать. Он водит старый «форд», который сам отремонтировал. Машину он купил на свалке год назад. Мелинда говорит, что это была просто *развалюха*, а Маркус сделал из нее «клевою тачку».

Не знаю, что я думаю о Маркусе. Когда он бывает у нас, то обычно молчит, завесив лицо волосами. Я даже толком не знаю, как он выглядит под этими паклями. Папе, во всяком случае, он не нравится. Я слышал, как они с Мелиндой ругались из-за него. Но, думаю, папа просто боится, что Мелинда залетит. Так он, по крайней мере, кричал ей: «Не думай, что я собираюсь содержать твоё адское отродье!»

– А ты что будешь делать вечером?

– Не знаю. Наверно сидеть дома.

– К Саге не пойдешь?

От мысли о Саге у меня сладко замирает внутри. Как будто там притаился пушистый зверек.

– Она идет на школьную вечеринку.

Мелинда хлопает лаком по столу.

– Вечеринка посреди недели? – удивляется она и потом добавляет мягким голосом: – А ты туда не пойдешь?

– Не хочется.

На самом деле мне просто не хочется объяснять Мелинде, в чем дело. Нет сил рассказывать, что Винсент и его приятели со мной сделают, если я туда заявлюсь. Но Мелинда все понимает без слов. Это ее суперсила. Она словно умеет читать мои мысли. Как будто мои мысли – радиоволны, а у нее в голове – принимающая антенна.

Моя суперсила, наверно, – в умении делать разные вещи из поюзанных пивных банок.
– Снова Винсент, да? – спрашивает она.
Я не отвечаю. Утюжок фырчит, когда попадается влажная прядь.
– Я убью этого придурка, если он от тебя не отстанет, – шипит Мелинда.
– Не надо, не влезай, прошу тебя!
– Нет, я сверну ему шею, если он не оставит тебя в покое!

После ухода Мелинды я спускаюсь в кухню за колой. Папа снова заснул на диване, я отключаю телевизор и накрываю его одеялом. Подбираю пару пустых пивных банок и отношу к себе в комнату.

На переработку.

Но сначала нужно еще почитать дневник.

Достав тетрадь, укладываюсь с ней в кровать. Провожу рукой по коричневой обложке.

Поразительно. Когда я читаю эти записи, мне кажется, что я нахожусь у Ханне в голове. Я словно становлюсь Ханне, хотя она женщина, да еще и старая. Словно я тоже умею читать чужие мысли, как Мелинда.

Не знаю, что за человек Ханне, но мне ее жаль. Должно быть, ужасно терять память и быть вынужденной записывать все, что происходит, в тетрадь. Но она умная. Хоть и не сразу, но я понял, зачем она сделала указатель. Чтобы не пролистывать весь блокнот, когда забыла одну вещь.

Ханне умная. Умная и одинокая. Ей не с кем поделиться своими страхами.

Даже с Петером.

«У нас с тобой много общего, Ханне», – думаю я.

«У тебя есть тайна, и у меня тоже».

Мы только что вернулись с места, где был найден скелет.

Дорога туда ведет узкая, разбитая, затененная густыми елями. Ни домов, ни людей.

Само захоронение два-три метра шириной и двадцать метров длиной. Оно сложено из поросших мхом камней разной величины.

С одной стороны – крутая Змеиная горка. С другой – темные воды реки.

Мы присели на корточки и попытались представить немыслимое. Что здесь, под камнями, был найден скелет пятилетней девочки со сложенными на груди руками.

Я констатирую, что преступник физически сильный человек, потому что камни эти тяжелые. И, скорее всего, он хорошо знает эти места. Он хорошо знал захоронение и потому решил спрятать тело здесь. То, что он сложил труп руки на груди, говорит об отношении преступника к своей жертве. Это заботливый жест, даже нежный.

Наше продолжительное молчание первым нарушил Андреас, сказавший, что нужно идти назад. И снова я заметила, что Малин раздражена.

Нет, мне это не померещилось.

Я думаю, она недолюбливает Андреаса.

Урмберг, 23 ноября

Пять минут четвертого ночи

Сажусь на узком стуле и смотрю в окно. В дорожных ухабинах образовались лужи. Маленькие грязные озерца жидкости, выжатой из себя тучами. Они поблескивают в свете фонаря на парковке. Здесь припаркована только одна машина – наша.

Возможно, во всем отеле мы единственные постояльцы. За парковкой – сплошная тьма. Ни людей, ни животных, ни машин.

Манфред живет в отеле в Вингокере. Это весьма разумно с его стороны. Наш же отель расположен у черта на рогах – на полпути между Урмбергом и Вингокером.

Я проснулась с бешено бьющимся сердцем. Долго думала, что могло меня так напугать. Потом поняла, что не помню, где я. Первой мыслью было разбудить Петера. Вырвать его из объятий сна и спросить, где мы находимся. Почему мы в чужой кровати. Но я вовремя успокоилась, осознав, что этого ни в коем случае нельзя делать. Петер не должен знать!

Я попыталась напрячь память, но всплыл только Илулиссат: айсберги, холодный кристальный воздух. Ощущение бесконечного счастья.

Мне не стоило покидать Гренландию. Там я была сильной и счастливой.

Я тихо выбралась из постели, присела на стул и открыла дневник в надежде, что текст разбудит воспоминания.

Но на этот раз ничего не вышло.

Я словно впервые в жизни видела эти строки. Словно не я, а кто-то другой пережил все написанное.

Я превращаюсь в другого человека? Теперь так и будет? Или это однократное явление – аномалия, вызванная усталостью и перенапряжением?

Спать я больше не могла. Продолжила читать о расследовании.

Основная версия полиции: Урмбергская девочка умерла в результате несчастного случая, возможно, автомобильной аварии, следы которой виновник попытался скрыть. Но, поскольку личность погибшей установить не удалось, выдвинули и другие версии.

Если бы это был несчастный случай, девочку искали бы родные, но никто не заявлял о пропаже ребенка ни в Урмберге, ни в соседних деревнях.

Девочка была не из Урмберга.

И это не был несчастный случай.

Я откладываю дневник и смотрю на Эйфелеву башню. Она поблескивает в свете настольной лампы.

По спине у меня бегут мурашки от прочитанного. То, что Ханне пишет, для меня не новость, но все равно меня мутит от мыслей о девочке, зарытой в могильнике.

Умом мне сложно понять, что Ханне написала это две недели назад. Что она сидела в бывшем продмаге и обсуждала скелет с коллегами. С этой Малин, о которой я слышал. Мы незнакомы, она намного старше, но я ее видел и знаю, где живет ее мама.

Дневник Ханне что-то во мне поменял. Не знаю что, но жизнь уже не кажется такой мрачной. Винсент и его приятели – жалкие идиоты. Моя болезненная страсть к женской одежде, конечно, тоже жалкая штука, но все это ничто по сравнению с тем, что произошло с несчастной Урмбергской девочкой.

Или моей мамой.

Моя болезнь не имеет ничего общего с раком или деменцией, но мне все равно хотелось бы вылечиться.

Я тянусь за телефоном, чтобы зауглупить слово «аномалия».

Малин

Снова жить в родительском доме взрослому человеку нелегко. Не знаю, о чем я думала, когда согласилась участвовать в этом расследовании. Но тогда мне и в голову не приходило, что это означает, что придется на время вернуться домой.

Да и был ли у меня выбор?

Отель в Вингокере?

Нет.

Маму бы это расстроило. А я не хочу ее расстраивать. Я люблю маму и даже к Урмбергу испытываю нежные чувства, хотя никогда не хотела бы жить здесь. Природа здесь роскошная. Особенно летом. Пасторальная идиллия с красными домиками, густыми лесами, теплой ясной водой озера Лонгшён.

Но все равно я не хочу здесь жить.

Мне тяжело даются мамины вопросы, нелегко видеть тревогу в ее глазах каждый раз, когда мы говорим о работе.

И мне грустно видеть, как разрушается наш дом.

С тех пор как папа умер три года назад, никто домом не занимался. Краска на фасаде облупилась. Рамы потрескались, ставни расшатались, изоляционный материал просел. Сад зарос и превратился в джунгли. Сточная труба отвалилась и лежит в высокой траве, похожая на змею, готовую вцепиться тебе в ногу.

И еще сарай. Он забит папиными вещами. Папа никогда ничего не выбрасывал. Он собирал все: старые кухонные агрегаты, транзисторы, побитую молюю одежду, шины, сломанные инструменты, старые деревянные лыжи, банки с краской, ежегодные бюллетени Шведского туристического объединения начиная с 1969 года. Он даже умер, таща в сарай старую стиральную машину. Сердце не выдержало. Когда мама нашла его в траве, он по-прежнему сжимал старую «Силиндан», словно она была спасательным кругом, а он – матросом, потерпевшим кораблекрушение.

Мама так и не нашла в себе сил разобраться со всем этим мусором, который папа собирал всю свою жизнь. Заходить в этот сарай – все равно что смотреть старое кино. В памяти оживают все события прошлого. Глядя на старый велосипед, на котором я съехала в канаву рядом с заброшенным заводом, я чувствую боль в запястье. Нюхая ткань палатки, вспоминаю, как впервые занималась любовью в спальном мешке. Чувствую тепло Кенни, холод земли под тонкой парусиной.

И «Силиндан».

Мама не стала ее выбрасывать. Просто поставила рядом с остальным хламом в деревянном сарае, выкрашенном красной краской.

Мой первый сексуальный опыт и последнее воспоминание об отце.

Когда я впервые привезла сюда Макса, мне было стыдно. И мне было стыдно за этот стыд. Хотя мама и любит капать на мозг, я ее люблю. И в моем детстве в Урмберге не было такого, чего следовало бы стыдиться. И все равно Урмберг – это воплощение всего, что мне противно. Для меня Урмберг олицетворяет пустоту, безработицу, старение. Полуразвалившиеся дома, сады, заставленные сломанными автомобилями и ржавыми ваннами, превращенными в поилки для коров. И главным образом люди, цепляющиеся за мечту о прошлом.

Мне нужно совсем другое.

Макс с мамой, кстати, сразу нашли общий язык. Впрочем, это неудивительно, Макс может быть общительным, когда захочет. У него есть талант располагать к себе людей. Он умеет их разговорить, дать им почувствовать себя значимыми, даже когда им особо нечего рассказать.

Из него получился бы хороший полицейский.

Но это то, чего бы я не хотела, – жить с полицейским. Макс считает, что, когда я перееду в Стокгольм, мне нужно изучать юриспруденцию, и думаю, так и будет.

Скорее всего, ему тоже не хочется жить с полицейским.

Я паркую машину перед старым магазином. Земля покрыта тонким слоем снега. Белый снег и яркое солнце слепят глаза, и я шурю. Щеки покалывает от мороза. В ярко-голубом небе облачка играют в догонялки, от сильного ветра поднимается позёмка.

Сегодня вторник. Петер пропал четыре дня назад. Я думаю об этом вежливом полицейском со светлыми волосами с проседью. О его клетчатой фланелевой рубашке и о том, как он прятал взгляд, когда говорил с коллегами.

С тех пор как он исчез, мы приостановили расследование дела об убийстве девочки, поскольку по прошествии двадцати лет пара дней погоды не сделают.

Местная полиция ведет дело об исчезновении Петера, но мы помогаем как можем. Мы участвовали в поисковой операции, встречались с ее руководителем, перерыли бумаги Петера и Ханне, чтобы узнать, где они были в пятницу вечером.

Но мы ничего не нашли.

Может, в этом-то и зацепка. Может, Ханне с Петером занимались чем-то, что решили держать в тайне от остальных.

Когда я вхожу в комнату, Андреас приветствует меня кивком. На столе перед ним – остатки булочки с шафраном. Андреас сидит на стуле, облокотившись на спинку и закинув ноги на стол. Обувь он снял, но все равно такое поведение недопустимо в полицейском участке, даже импровизированном.

Одну руку он положил на спинку соседнего стула, а в другой держит коробочку со снюсом.

Мужчины, употребляющие жевательный табак, вызывают у меня отвращение.

– Привет, – говорит он и улыбается так широко, что видно табак под верхней губой.

– Привет, – отвечаю я, стаскивая пуховик.

Нас прерывает стук в дверь. Не дожидаясь ответа, гостя распахивает дверь и входит. Это худая старушка лет семидесяти. Курчавые, как у барашка, седые волосы, огромные запотевшие очки.

Рагнхильд Сален.

Рагнхильд живет через поле, по соседству с бывшей трикотажной фабрикой, в которой сделали приют для беженцев. И зеленым домом, где жил Кенни.

Как обычно, при мысли о Кенни мне становится не по себе. Мы начали встречаться, когда мне было пятнадцать. И были вместе до той роковой ночи в октябре 2011. Тогда мне было семнадцать. Я была слишком юной для такой трагедии.

Впрочем, не знаю, было ли бы мне легче, случись это позднее. Я здороваюсь:

– Привет, Рагнхильд.

Гостя снимает очки и вытирает линзы рукавом кофты. Поверх кофты на ней старый пуховик.

До выхода на пенсию Рагнхильд работала учителем средней школы в Вингокере. На пенсии она вступила в краеведческое сообщество, в котором, помимо нее, состоят еще два местных старожила. Чем они там занимаются, трудно сказать, но знаю, что один из проектов – превратить старый сталелитейный завод в музей, на что они всячески пытаются выбить деньги из коммуны.

– Малин, боже мой! Сто лет тебя не видела.

– Всего два, – уточняю я.

– Тебе бы почаще навещать нас, – бормочет она, напяливая очки. – Дому нужен уход.

«Я что, похожа на плотника?» – хочется спросить мне. Но, разумеется, я держу язык за зубами, потому что знаю, что она не о доме волнуется, а о моей матери. Таким образом Рагнхильд пытается сказать, что моей маме нужен уход. И, наверно, так оно и есть, но лично я не собираюсь гнить в Урмберге до конца своих дней. Мне есть чем заняться.

– Чем мы можем помочь? – спрашивает Андреас, перед этим спустив ноги со стола.

– Я хочу заявить о краже, – ошарашивает нас Рагнхильд и гордо выпрямляет спину.

– Мне жаль, но мы занимаемся расследованием дела об убийстве Урмбергской девочки. Заявление можно подать в участке в Вингокере. Приемные часы...

– Ушам своим не верю, – перебивает меня Рагнхильд. – Зачем копать в этой старой истории? Все равно ничего не найдете. А меня, которой нужна помощь сейчас, посылаете в Вингокер. Уму непостижимо!

– К сожалению, это так, – говорю я, пытаюсь изобразить сочувствие, хотя мне очень хочется послать ее куда подальше.

Повисает тишина. У Рагнхильд такой вид, словно она напряженно обдумывает достойный ответ.

– Что случилось? – спрашивает Андреас, и мне хочется пнуть его в ногу, но он слишком далеко.

– Это один из иммигрантов в приюте. Молодой мужчина. *Мусульманин*. Я видела его с украденным велосипедом. Гоночным, какие участвуют в «Тур де Франс».

Мысль о том, что Рагнхильд смотрит «Тур де Франс», настолько абсурдна, что я невольно улыбаюсь.

– Вы видели, как этот парень украл велосипед? – спрашивает Андреас, до которого явно не доходит, что Рагнхильд теперь от нас не отвяжется. У нее особый природный талант – садиться людям на шею. Дело кончится тем, что мы все дни напролет будем искать пропавших кошек и замазывать граффити.

Рагнхильд снова снимает гигантские очки, трет глаза и нервно переминается с ноги на ногу. Под ее ортопедическими ботинками собрались грязные лужицы.

– Нет, я видела его с краденым велосипедом.

– А кому принадлежал велосипед? – спрашивает Андреас, доставая блокнот.

– Откуда мне знать?

Ее шея покрывается красными пятнами.

Андреас изображает недоумение:

– Но откуда вы тогда знаете, что велосипед краденый? – спрашивает он. – Если вы не видели, как этот человек крал велосипед, и не знаете, кто хозяин.

Рагнхильд сжимает очки в руке и откашливается.

– Это же очевидно. У этих людей нет денег на гоночные велосипеды. Ясное дело, он его украл. Если, конечно, коммуна не профинансировала этот велосипед, а если так, то я подам на них в суд, поскольку это мои деньги. Я всю жизнь платила налоги. Знаете ли вы, сколько такой велосипед стоит? А я знаю, потому что у дочери Сив такой же, а он стоил двадцать тысяч крон.

Андреас взглядом просит его поддержать.

– Как я уже сказала, Рагнхильд, – снова начинаю я, – к сожалению, мы очень заняты. Вам придется обратиться в участок в Вингокер, если решите сделать заявление.

Еще десять минут у нас то, чтобы выставить Рагнхильд за порог. Когда пенсионерка наконец соизволила уйти, она так громко хлопнула дверь, что в бывшем торговом зале что-то упало на пол.

Но никто не идет проверять, что именно упало.

– Что за женщина! – восклицает Андреас с досадой.

Я киваю.

– Рагнхильд – это... Рагнхильд.

– Разумеется, есть некоторая вероятность, что она права, – продолжает он, постукивая ручкой по столу.

– Разумеется. Даже Рагнхильд иногда бывает права.

– У нас много проблем с беженцами в приюте под Эребру, – рассказывает Андреас. – Но в основном драки и ссоры. Никак не могут между собой поладить.

– Могли бы и сделать над собой усилие. В знак благодарности за то, что их приняли. Понятно, что они пережили ужасные вещи и все такое. Никто этого не отрицает. Беженцы, конечно, заслуживают жалости, но все же...

Я вспоминаю новостные выпуски. Бомбы в Алеппо, мертвые дети на пляжах Средиземноморья. Я стараюсь выключать телевизор, когда это показывают. Никто не должен оставлять свой дом из-за войны и голода, особенно дети. Но мы же не можем принять всех желающих. Мы маленькая страна, и мы находимся в стороне от всех этих конфликтов.

К тому же, по моему мнению, им было бы лучше в культуре, близкой им. Как ни крути, Швеция – высокоразвитая страна. Здесь царит равенство. Женщины и мужчины обладают равными правами. Одна мысль о том, что кто-то может заставить меня нацепить бурку, вызывает у меня негодование.

И последнее. Если мы *должны* принимать их, то почему именно в Урмберге – крошечной отдаленной деревушке, у которой и так полно проблем? Почему не в большом городе с развитой инфраструктурой и рабочими местами?

В другом городе.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Андреас.

– Ни о чем, – качаю я головой. – Что-то слышно о Петере?

Андреас тоже качает головой.

– Нет. Я только что говорил со Сванте. Петер словно сквозь землю провалился. Два дня поисков, и все, что мы нашли, – это *чертова блеска*.

Мы молчим. Я снова думаю о Петере.

Они странная пара, Петер и Ханне. Не только из-за разницы в возрасте, а еще и потому, что кажется, будто именно молчаливая Ханне принимает все решения. Петер следует за ней, как послушная собака.

Он очень привязан к ней. Нет, нам он ничего такого не говорил, но это видно. Видно по тому, как он накидывает куртку ей на плечи, когда в участке холодно. По тому, как ездит в Вингокер за ее любимым сортом чая. Как следит за ней взглядом, когда она ходит по комнате.

Думаю, это и есть любовь.

– А что ты думаешь о номере на ладони? – спрашивает Андреас.

Яжимаю плечами и задумываюсь о цифрах на израненной коже Ханне.

– Может, телефонный номер. Или код. То, что она хотела запомнить, но не могла записать в дневник.

– Координаты? – предполагает Андреас.

– Вряд ли. Но я проверила. Если и координаты, то не в нашем районе.

Андреас листает блокнот.

– Сванте получил данные от мобильного оператора. Ни Петер, ни Ханне не были в пятницу вечером в Катринехольме, хотя собирались. Или, во всяком случае, их мобильные были в Урмберге. Телефон Ханне имел контакт с антенной возле проселочной дороги в районе семи вечера в пятницу. После этого никакой информации. Телефон Петера – с той же антенной в районе восьми. Не знаю, что это означает, но не думаю, что они покидали Урмберг. Я прошелся по списку их телефонных разговоров и смс, тебе тоже советую глянуть. Кредиткой Петера последний раз пользовались в пятницу.

– Что они делали в лесу? – озвучиваю я свои мысли.

– Да, черт возьми, что они делали в лесу? Я говорил с криминалистами. Они нашли отпечатки ног рядом с местом, где обнаружили Ханне. Кто-то ходил по глине в туфлях на высоких каблуках. И потерял пайетку.

– Значит, она была права, женщина-водитель, обнаружившая Ханне, когда говорила, что видела девушку в золотистом платье.

– Судя по всему, да. Но толку от этой информации мало. Одни вопросы, никаких ответов. Куда ехали Петер и Ханне? Где Петер? Кто была эта девушка и что она делала в лесу? Где, черт побери, машина Петера?

Мы замолкаем. Нашу фрустрацию от этой ситуации невозможно передать словами.

Андреас смотрит на меня и улыбается.

– Кстати, я вспомнил кое-что важное.

– Да?

– Не поехать ли нам вечером в Вингокер пропустить по пиву?

Я снова чувствую, как во мне поднимается волна раздражения. А ведь я почти начала принимать его как коллегу.

– Вечером я не могу. – Я колеблюсь, но продолжаю: – И кроме того, я помолвлена и переезжаю в Стокгольм через пять месяцев.

– И?

Его улыбка становится еще шире. Он опустил ручку и нарочно медленно проводит рукой по щетине, потом вынимает табак изо рта и убирает в коробку.

Андреас мне отвратителен.

Все в нем мне отвратительно. Самодовольная улыбка, снюс, высокомерная привычка игнорировать мое мнение. Он ведет себя так, словно этот разговор только игра, затянутая и сложная прелюдия к чему-то большему...

– Считаешь себя неотразимым?

Андреас пристально смотрит мне в глаза и отвечает:

– Себя нет, а вот тебя – да.

От шока я не знаю, что сказать. И найти достойный ответ мне не дают тяжелые шаги в коридоре.

Но Андреаса это не смущает. Он продолжает лыбиться и пялиться на меня, как на диковинную зверюшку в зоопарке. Кошку с пятью ногами или двухголового теленка.

Это приводит меня в ярость.

Но из-за Манфреда я вынуждена держать язык за зубами. Я уже ловила на себе его неодобрительный взгляд, когда мы с Андреасом цапались. Этот взгляд ясно давал понять, что он не потерпит такое поведение в своей команде.

Манфред встает посреди комнаты и, глядя на нас, в полном молчании медленно расстегивает пальто. С брюк на пол капает вода. Потом он опускается на стул, наклоняется вперед, смотрит сначала на Андреаса, потом на меня.

– Коллеги нашли тело у захоронения, – говорит он.

– Петер? – шепчу я в ужасе.

Манфред качает головой. Взгляд у него пустой.

– Нет. Женщина.

– Но как же...

Я не в силах закончить фразу, так ошарашила меня эта новость.

– Но... – беспомощно повторяю я.

– Мы едем туда, – командует Манфред.

Джейк

Школьный автобус привозит нас в центр.

Мы с Сагой стоим перед магазином, остальные разошлись по домам.

Папа говорит, что лучшее, что есть в Урмберге, – это природа. По его мнению, эти места – самые красивые в Швеции. И для охотников здесь просто раздолье: в лесах полно косуль, лосей и кабанов. Но я с ним не согласен. Я считаю, что самое лучшее тут – это заброшенные дома. До последних месяцев мы с Сагой после школы тусили в бывшем магазине, но потом кто-то повесил на двери амбарный замок.

А теперь тут полно полицейских.

Сага пинает ногой свежий снег. Розовая челка падает набок. Она смотрит в огромные грязные окна.

Во внутреннем помещении горит свет. В окно видно радиатор. Кто-то там убрался. От пивных банок и журналов – ни следа.

– Думаешь, они его найдут? – спрашивает Сага.

Я смотрю на машины, припаркованные перед магазином, и думаю о П., друге Ханне, который пропал в лесу. И о всех тех людях, которые его ищут, – военных и той странной организации, которая занимается поисками пропавших людей.

Папа говорит, что это только вопрос времени и что когда-нибудь замерзший труп обнаружится. По его словам, никто в это время года не выживет ночью в лесу, особенно неопытный стокгольмец без еды и теплой одежды.

– А что, если его убили? – спрашивает Сага, подставляет руку козырьком к глазам и заглядывает в окно.

Видимо не высмотрев ничего интересного, она выпрямляется, сует руки в карманы куртки и поворачивается ко мне.

– Что, если тут живет убийца? – продолжает она тихо, словно боится, что кто-то нас услышит. – Что, если это тот же чувак, который убил девочку у могильника?

– Убийца? В Урмберге? Ты шутишь? И к тому же это было сто лет назад.

Сага пожимает плечами.

– Почему нет? Мама говорит, что Гуннар Стен может кого-нибудь прикончить и глазом не моргнуть.

– Гуннар Стен? Да он же дряхлый старик!

– Я к тому и клоню. Он мог замочить ту девочку двадцать лет назад или типа того. И он настоящий злодей. В молодости он избил до полусмерти одного парня у озера. Бил его камнем по голове, пока тот не потерял сознание.

– Правда?

Сага серьезно кивает и смотрит на меня. В сумерках ее светлые глаза кажутся зелеными.

– А ты? – спрашивает она. – Как думаешь, кто это сделал?

Я задумываюсь. На мой взгляд, никто в Урмберге не способен на убийство. Все, кто тут живет, такие скучные и заурядные. Конечно, есть пара чокнутых старичков и старушек. Но большинство абсолютно нормальные. За исключением беженцев, разумеется. Но с ними я не знаком. Они живут на старой текстильной фабрике, а туда нам ходить не разрешают.

– Семья Скуг? – помогает мне Сага.

Я медленно киваю.

Семья Скуг живет на хуторе у озера. Они приехали из Стокгольма, разводят лошадей и ни с кем не общаются. Папа говорит, что они думают, будто слишком *хороши для нас*. Не знаю, что он имеет в виду, мне сложно представить, что может быть хорошего в жизни, когда ты целый день убираешь навоз из стойла.

Так что они действительно странные.

Но убийцы?

Я качаю головой.

– Нет, я знаю, кто это, – восклицает Сага. – Рагнхильд Сален!

– Да ладно. Эта старушенция?

Сага тянет меня за рукав.

– Она прикончила своего брата.

– Разве он не отрезал себе ногу бензопилой?

Сага притягивает меня ближе и шепчет на ухо:

– Потому что Рагнхильд стояла рядом и капала ему на мозг. А потом его прах использовала в качестве удобрения для малины. А из малины сварила варенье и угостила его девушку.

– Ты шутишь?

Сага качает головой.

– Клянусь мамой. А может, это Рене Стилман, – говорит она с заговорщицким видом и приподнимает брови.

– А ей-то зачем убивать полицейского?

– Она заработала кучу денег на собачьей одежде. Миллионы. Собирается бассейн строить весной.

– Но это не означает, что она убийца.

Сага пожимает плечами. Видно, что ее огорчает мой скепсис. Она поворачивается спиной к ветру и натягивает куртку на бедра.

– Не знаю. У тебя есть кандидатура получше?

Конечно нет.

Урмберг – скучное место, где ничего не происходит. Не могу представить, чтобы убийца скрывался в одном из красных домиков в лесу, что кто-то из людей, которых я знаю всю свою жизнь, способен лишить жизни другого человека.

– Может, это беженцы? – предполагаю я.

Сага не согласна.

– Они только что прибыли. А девочку убили сто лет назад.

Она права. Это не могут быть беженцы.

Дверь магазина распаивается, и выходит мужчина папиных лет. Крупный, полный, одетый как биржевые брокеры из телесериала, который я смотрел вчера. Коричневое пальто пузырится на животе. Мужчина смотрит на нас.

За ним выходит мужчина помоложе и Малин, полицейский, которая *строит из себя черт знает что*, только потому что получила работу в Катринехольме.

Так, во всяком случае, говорит папа.

Полицейские бегут к большому черному джипу, припаркованному у дома.

– Вот дерьмо! Куда это они так спешат? – спрашивает Сага.

– Наверно, что-то случилось.

Мы разворачиваемся и идем прочь.

Сага закидывает школьную сумку на плечо.

– Я могу зайти к тебе ненадолго. Мамаши все равно нет. Она собиралась к Бьёрну.

Бьёрн Фальк – новый хахаль Сагиной мамы. Настоящий придурок. Носит бейсболку круглый год и водит супердорогую тачку, купленную на деньги, доставшиеся ему в наследство, которое он быстро промотал.

– Хочешь? – спрашивает Сага. – Чтобы я зашла?

Я думаю о папе, грудях пивных банок и мусоре в кухне. О диване, который он превратил в кровать, и клетчатом пледе, который вечно накинут на его плечи.

– Можно. Но мне нужно спросить у папы. Я тебе пришлю смс, когда буду знать.

Сага кивает и морщится от сильного ветра.

– Тогда увидимся.

– Ага.

Она быстрым шагом уходит в направлении церкви. Сумка прыгает на ее плече.

Как и ожидалось, когда я прихожу домой, папа спит на диване. Храп слышно уже в прихожей. Звучит так, словно в комнате дрыхнет огромная кошка. В комнате затхлый запах пота, теплого пива и покупной еды. Клетчатый плед сполз вниз и валяется на полу.

Я нагибаюсь поднять его и вижу, что что-то торчит из-под дивана. Присаживаюсь на корточки, вытягиваю вперед руку и щупаю холодный цилиндрической формы металлический предмет.

До меня не сразу доходит, что это дуло охотничьего ружья.

Но что оно делает здесь, под диваном?

У папы нет лицензии на оружие, но случается, что он ходит на охоту с ружьем, позаимствованным у Улле. Но не помню, когда они в последний раз были на охоте.

Я осторожно заталкиваю ружье глубже под диван. Оно скребет о пол. Папа дергается и что-то бормочет во сне.

В гостиной появляется Мелинда и поднимает руки, сигнализируя мне сохранять тишину.

– Не буди его, – шепчет она. – Он был в дерьмовом настроении, но я приготовила пожар, и он отрубился.

У меня возникает ощущение, что она говорит о папе, как о маленьком неразумном ребенке. Словно это мы с Мелиндой родители, а папа – наш сын.

Мы идем в прихожую.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

– В смысле?

– Почему у него было плохое настроение?

– Не знаю, честно говоря. Он не хотел об этом говорить. Но по нему видно было. Знаешь, как он обычно делает. Ходил взад-вперед по гостиной и все такое.

Внутри меня все холодеет. Я не хочу, чтобы у папы было плохое настроение, особенно когда под диваном ружье. Но говорю себе, что наверняка есть разумное объяснение тому, что ружье лежит под диваном. Может, они с Улле собираются пострелять косуль.

– Он все слопал, – сообщает Мелинда и идет на второй этаж. – Но глянь в холодильнике. Может, остались кокосовые пирожные.

Я иду в кухню, достаю из холодильника пакет с кокосовыми шариками, выуживаю три и наливаю стакан колы. Потом изо всех сил даю на ледяную машину, встроенную в холодильник, чтобы насыпать в стакан льда.

Гляжу на кубики льда и испытываю такой же восторг, как когда выигрываю в игровом автомате.

Я спешу в свою комнату. Весь день мне не давала покоя история Ханне. Мне так хотелось вернуться и продолжить чтение.

Достаю дневник и сажусь на кровать. Листаю до страницы с загнутым уголком и сую в рот кокосовый шарик.

Утро.

Самое худшее, что могло произойти, произошло.

Я так устала, что не проснулась от звонка будильника. А когда наконец открыла глаза, то увидела П. нагишом на стуле у окна.

Он читал дневник!

Я завопила. Вскочила с кровати, бросилась к нему и вырвала дневник у него из рук.

П. не сопротивлялся. Только смотрел на меня со страхом и удивлением во взгляде. Я быстро поняла, что он напуган. До смерти напуган. Что неудивительно. Из нас двоих я всегда была эмоционально сильнее. Спокойнее, надежнее.

Но что случится, когда я утрачу эту силу? Что П. сделает?

Что будет с его надежностью, когда меня не будет рядом?

Мы только что позавтракали. П. сжал мою руку. Сказал, что любит меня и ничто не изменит его чувств.

Мне было приятно услышать эти слова, но одновременно я чувствую себя обманщицей. Словно украла деньги у него из кошелька, хотя это П. без спросу читал мой дневник.

Ужасно, когда люди стыдятся своих болезней.

В участке. Только что у нас было собрание. Мы продолжили обсуждать материалы дела: протокол вскрытия, отчеты криминалистов, показания свидетелей.

Манфред общался с прокурором на пенсии, который когда-то занимался этим расследованием. Он сказал, что «никогда не верил в теорию о дорожном инциденте». По его мнению, это было дело рук педофила.

Эта гипотеза вызывает у меня сомнения. Но самое главное для нас – установить личность убитой девочки.

Нужно назначить встречу с судмедэкспертом, чтобы узнать побольше о девочке. Манфреда больше всего интересует старая травма запястья. Он верит, что с ее помощью можно идентифицировать покойницу. Судя по всему, этой травме не было уделено должное внимание во время первого расследования. Манфред крайне возмущен этой оплошностью. Назвал прошлую следственную группу «кучкой некомпетентных лодырей».

Может, он и прав.

НАДЕЮСЬ, что он прав.

Потому что если это не так, то других зацепок у нас нет.

Малин

Мы пристраиваемся в хвост другим машинам, припаркованным на обочине шоссе. Уже почти стемнело. И сильно похолодало. Холод кусает щеки, снег хрустит под подошвами ботинок.

Мы стоим на обочине. Манфред светит фонариком на придорожную канаву, отделяющую проселочную дорогу от леса.

Могильник.

Сколько раз я бывала здесь подростком. Я думаю не только о том роковом дне, когда мы нашли Урмбергскую девочку, но и обо всех остальных днях. Туманных весенних днях, когда земля еще не успела оттаять. Теплых звездных августовских ночах, когда мы с приятелями пытались вызывать духов. Вспоминаю, как небьющийся стеклянный стакан в свете свечей скользил по мятой бумажке с буквами, движимый кончиками наших пальцев, в то время как комары пожирали нас живьем.

Как возникла легенда о привидении-ребенке? И когда именно она возникла? Надо спросить у мамы.

– Что нам известно о мертвой женщине? – спросил Андреас. – Это та молодая девушка в платье с пайетками?

– Ничего не известно, – фыркает Манфред.

Он чешет напрямик в лес по десятисантиметровому слою снега в городских начищенных ботинках.

Манфред смотрится в этих местах странно. Сложно шастать по сугробам в итальянских ботинках ручной работы и при этом не выглядеть полным идиотом. Так можно и пальцы на ногах отморозить.

Даже стокгольмец мог бы это сообразить.

Ветви сосен провисли под тяжестью снега, выпавшего за последние дни. В лесу красиво, как на картинке, и тихо. Кажется, что лес спит.

Манфред идет на удивление быстро. Длинные ноги ловко перешагивают через камни и пни.

Андреас поворачивается ко мне.

Наши глаза встречаются. В этот момент моя нога проваливается в глубокий снег.

Андреас останавливается и протягивает мне руку.

Я киваю в знак благодарности, ударяюсь о ветку и получаю порцию снега за воротник. Сую руки в карманы в надежде согреться. Перчатки я, естественно, забыла в машине.

Ели редуют, я вижу просвет впереди. Еще через минуту мы выходим на поляну, залитую ярким светом. Перед нами вырисовывается силуэт Змеиной горы. Черная вершина поднимается к небу и сливается с ночью. Невозможно различить, где кончается гора и начинается космос. Словно Урмберг напрямую связан с небом.

Захоронение засыпало снегом. Большие переносные прожекторы поставлены под елью на опушке, трое людей в белых комбинезонах с масками, закрывающими рот, что-то разглядывают под деревом. У одного в руках фотоаппарат, в паре метров от них – большие сумки.

Криминалисты.

Коллеги из местной полиции уже на месте. Бело-голубая оградительная лента трепещет на ветру. Поляна то и дело озаряется вспышками фотокамеры.

Манфред поворачивается к нам с Андреасом. Лицо его бесстрастно, но я вижу, что он сжимает и разжимает кулак, словно давит невидимый мячик.

Мы благодарны небу, что это не Петер лежит там мертвый в снегу. Но нельзя не согласиться, что ситуация абсурдна: сотни людей прочесывали лес в поисках Петера все последние дни. И вот наконец они нашли труп, но это труп другого человека.

Мы направляемся к Сванте.

Он поднимает руку в знак приветствия.

На нем та же, что и в прошлый раз, пестрая, ручной вязки шапка с помпоном. Борода покрылась инеем. Я ловлю себя на мысли, что он действительно выглядит как Санта-Клаус. Настоящий Санта-Клаус, который сажает малышей на колени и вручает подарки из большого мешка у него за спиной.

Я замечаю, как Сванте таращится на элегантное пальто Манфреда. Шелковый платок в нагрудном кармане поник, как увядший цветок.

– Что, черт возьми, происходит? – спрашивает Манфред, кивая в сторону трупа на опушке и проводит рукой в перчатке по щетине на подбородке. – Мы ищем пропавшего полицейского, а натываемся на подстреленную женщину?

Сванте кивает.

– Так оно и есть. Подтверждаю. Действительно странно. Сейчас расскажу все, что знаю. Но сначала одна вещь. Мы нашли ее уже после того, как позвонили тебе.

Манфред хмурит лоб, выпячивает живот, обтянутый пальто.

– Что за вещь?

Сванте кивком приглашает идти за ним к черному полиэтиленовому пакету, стоящему в снегу рядом с прожектором.

Сванте нагибается и достает прозрачный пакет. Протягивает его Манфреду и направляет фонарик так, чтобы нам было лучше видно.

Манфред изучает содержимое пакета. Это кроссовок – весь в коричневых пятнах в лужице полурастаявшего снега.

У меня вырывается:

– Это же кроссовка Ханне.

Манфред кивает.

– Ханне? – спрашивает Сванте. – Той, что утратила память?

– Ее самой. Где вы это нашли?

– В двадцати метрах от тела. В лесу. Мы бы никогда его не нашли под снегом, если бы не Рокки. Наша собака.

Манфред встречается со мной взглядом и недоуменно качает головой, словно ему не верится, что это действительно кроссовка Ханне в пакете.

– Как она здесь очутилась? – восклицает он и возвращает пакет Сванте. Потом продолжает: – Как только закончим, едем к Ханне. Попробуем ее расспросить.

Манфред замолкает, о чем-то задумываясь. Смотрит на гору. Одинокая снежинка повисла у него на щетине. Смахнув ее, он просит Сванте:

– Расскажи, что известно на данный момент.

– Собачий патруль нашел ее в пять минут третьего, – докладывает Сванте, кивая в сторону мертвой женщины. – Дежурный судмедэксперт считает, что она мертва по меньшей мере три дня. Может быть, четыре. В воскресенье температура опустилась ниже нуля. Если бы труп лежал здесь дольше, он бы начал разлагаться. А если меньше, то снежный покров был бы тоньше. Одна нога торчала из-под ели. Ее-то и засыпало снегом.

Манфред обдумывает информацию.

– Вы вчера здесь искали?

– Да, но, должно быть, пропустили. Под ветками ее было не видно.

Манфред снова молчит. Оглядывает поляну и кивает.

– Если она лежит здесь трое-четверо суток, значит, она погибла в пятницу или субботу.

Андреас откашливается.

– Тогда же, когда...

Он замолкает и смотрит на труп на снегу в ярком свете прожекторов.

– Когда пропал Петер, – заканчивает за него Манфред. – Это не случайность, что кроссовка Ханне найдена поблизости. Что нам известно о жертве?

– Немного, – отвечает Сванте. – Женщина. Лет пятидесяти. Босая, легко одетая. Следы выстрела в грудь и ударов по голове.

– Застрелена и избита? – удивленно спрашивает Манфред.

– Именно, – подтверждает Сванте. – Пойдемте посмотрим? И я расскажу остальное.

Темноту снова озаряет вспышка. В свете фотоаппарата лицо Манфреда выглядит усталым и опухшим.

Андреас смотрит на захоронение, покрытое снегом, потом поднимает взгляд к небу.

– Это место что, проклято? – спрашивает он.

Никто не отвечает. Что тут ответишь? Сложно отрицать тот факт, что захоронение находится в эпицентре всех трагических событий в Урмберге.

Я думаю о девочке. Прошлые события оживают в памяти. Закрыв глаза, я чувствую теплую руку Кенни, слышу звон бутылок в пластиковом пакете. Помню, как листья папоротника щекотали мне бедра, когда я присела пописать, как пальцы трогали белый гладкий предмет, который я приняла за шампиньон.

А теперь еще и это.

Все ниточки ведут сюда – к древнему захоронению посреди леса.

Это должно что-то значить. Но что?

Сванте снимает варежки и прижимает ладони к замерзшим щекам, чтобы согреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.